

ЭКОБАБА И ДИКАРЬ

Повесть

1

5 декабря 1996

Мамин подарок – диктофон – я оценила только недавно, но вполне. Здорово помогает!.. Психотерапевт посоветовала: записывайте, мол, во время стрессов свои мысли – легче будет потом от них избавиться. Ну, а мама сразу два и купила – себе и мне.

Я думала вначале, что это глупость и лишняя трата времени и денег – записывать, чтобы избавиться!.. Но сейчас понимаю, что помогает, как-то утихомиривает. Переносить на бумагу, правда, бывает лень, но с ленью я борюсь.

А стрессов у нас в Германии предостаточно. Недаром *зверь* говорит, что мы, немцы, – самая депрессивная нация: постоянно себя грызем и в голос ноём. А сам-то он кто?.. У них там, на диком Кавказе, тоже всё время война и всякие не-суразицы, по телевизору показывают... И сам он вечно в депрессии – из-за всякой мелочи шум: то картина не пишется, то денег мало, то курева нет, то донимать дурацкими вопросами: где была да что делала? Там была и то делала, кому какое дело?..

С ним трудно – а без него скучно. И пусто. Неуютно жить. Наверно, плохо так привыкать к мужчине... Четыре года – это немало. Мои подружки по три месяца выдержать не могут...

Но мы часто соримся. Может, из-за разницы в возрасте?.. Или в менталитете?.. Или в языке?.. Говорим мы с ним на русском, который я учила в гимназии, но все равно, конечно, делаю ошибки, которые ему очень нравятся. Или из-за моего длинного языка?.. Но что же делать, если я врать не умею, не могу и не хочу?..

Вот, из-за чего сегодня началась ссора?.. Он вдруг заметил, что у меня колени натерты и на бедрах синяки. Обомлел на полуслове:

– Что это?

– Так, ничего... – отмахнулась я, прикрыв ноги пледом.

Мне и раньше было ясно, что он увидит, не слепой. Поэтому и не хотела сегодня встречаться – думала, пройдут. Но нет, он настоял...

Он откинул плед и схватил меня за колено, вывернул его грубо:

– Ничего?.. Как ничего?.. Я еще не ослеп. Это же явные синяки!.. Колени стерты! Раком стояла?!..

Началось! Что делать? Молчать? Будет шум. Говорить?.. А что говорить – в церкви на коленях стояла?.. Спаржу собирала?.. Да с какой стати скрывать? Я свободна и делаю что хочу, никто мне не указ.

– Больно, пусти! – начала я вырываться, но он мертвой хваткой вцепился в одно колено, полез смотреть другое. Надавил с силой на синяки:

– Что это, *фашистка проклятая*?

– Больно! – разозлилась я, отпихивая его. – Ничего, я же сказала! Ерунда. Зачем тебе все знать?

– Я хочу!

– Зачем?

– Так. Хочу все знать.

– Ну, тогда, пожалуйста, знай: сломалась кровать в мотеле, где я была с одним знакомым персом, и пришлось перебраться на пол... А пол был жесткий, деревянный... Ну и вот...

Он, не глядя на меня, стал угрюмо оглядываться по полу. А, понятно: он всегда начинает одеваться с носков.

Я решила попробовать его успокоить:

– Я не понимаю, в чем дело. Ты уходишь?.. Почему?.. Это же было просто так – эпизод, шутка!.. Неделю назад, во Франкфурте, на ярмарке, где я подрабатывала... Когда этот перс зашел в павильон, то все девочки обомлели: у него были такие большие губы, как у рыбы. Знаешь, есть такие рыбы с губами?.. А потом он оказался у моей палатки... Стали болтать... Потом диско... Ну и вот... Но все было без риска, с резинкой, об этом не думай...

Один носок выглядывал из-под смятой рубахи. Он не видел его, слепо и оцепенело вороша одежду и глухо урча:

– Перс с губами. Француз с ушами. Негр с ногами. Испанец с глазами. Так... Я давно хотел тебя спросить: есть ли какая-нибудь система в твоём выборе?.. Или просто ждёшь, пока тебя кто-нибудь возьмет?

– Ты что, правда уходишь?.. Ну это же было просто так!.. Я думала, вся эта глупая ревность уже позади. Что с тобой?.. Мы же уже миллион раз говорили с тобой об этом. Это же просто мужчина на одну ночь – и всё. Как это сказать – мужчина-одноночка? И резинка была. Чего еще?

– Оставь меня, *паскуда*, – пробормотал он, угрюмо возясь в одежде, словно забыв, зачем он это делает и что ищет.

Я осторожно пересела на носок, чтобы этот *псих* не убежал так сразу. Замоталась в плед. Надо будет спокойно еще раз все объяснить. Хотя бы попытаться. Ах, глупый мой язык!.. А я так хотела его сегодня... До тяжести в животе, до дрожи в проклятых коленках...

– Пойми, это все было несерьезно, так просто, вроде шутки, под настроение. Почему я не могу рассказать тебе такой пустяк?.. Почему должна скрывать? Подожди!.. Это же к нам отношения не имеет!.. – попыталась я остановить его, но он босиком прошлепал в ванную, ругаясь на ходу:

– Чего ждать?.. Чего ждать?.. Дождался уже!.. Не хочу стоять в очереди к телу!.. К какой-нибудь другой постоял бы, а к тебе – нет, не могу. Все эти персы-французы просто трахают тебя – ты баба видная, «почему нет?» твоя присказка. А я так не могу, потому что, на свое большое несчастье, люблю тебя, *шлюху*.

– Значит, я шлюха? – крикнула я. Всё это уже начинало злить. Видел бы он настоящих шлюх!.. – Я – нормальный человек и свободная женщина и делаю что хочу, в конце концов. А ты ори в другом месте, я твой террор терпеть не намерена, – уточнила я в пустоту.

– Это по-вашему ты – свободная женщина, – выскочил он из ванной. – А по-нашему – ты просто блядь, дешевка... Этот с губами, тот с ушами, третий с глазами!.. Ты посмотри, с кем у тебя все это происходит?.. Сама же рассказывала!.. – оскалился он в злой улыбке. – Один все о покойной жене вспоминал, второй тебя обокрал, у третьего никак не вставал, четвертый вонял, как свинья, пятый дрожил, как кролик! Это же всё мразь, ублюдки!.. И что это за связи – одна ночь, две

недели, пять встреч?.. И с кем из этих недоносков тебе было хорошо?.. Сама же недавно признавалась, что даже кончить по-человечески ни разу не смогла!..

– А вот это не твое дело – указывать мне, с кем и как мне кончать! Этого не хватало! – Я тоже начинала злиться по-настоящему. Сказала ему как близкому человеку, чтобы посмеяться вместе, а он истерики закатывает!.. Было бы с чего!.. Спокойным тихим голосом (как бабушка учила успокаивать мужчин) я начала все с начала: – Это такое время... Время опыта... Ты же имел много женщин?.. Ну и я хотела пробовать. Опыт жизни. Ну и вот. Мне двадцать три, и я живу как хочу!

Судорожно одеваясь и борясь с вывернутым рукавом рубахи, он закричал:

– Я, идиот, жду ее из Франкфурта, а она едет на неделю поработать – и вот, пожалуйста!.. Перс с губами!.. А из племени хуту не пробовала?.. Они, говорят, после совокупления особые танцы танцуют – тоже опыт!.. – начал он показывать эти танцы, налетел на стул и с размаху сел на него. Помолчал. Потом спросил: – А зачем вообще тебе этот опыт?

Я с готовностью начала объяснять, что женщины с опытом – более свободны, могут выбирать, спорить, сравнивать, лучше понимать. Зачем любой опыт? А те, кто ничего, кроме своего мужа, не видел, – те просто инвалиды и забытые существа под чадрой:

– Здесь не Арабистан, где несчастная женщина имеет право видеть только два дома: родителей и мужа. Даже дорогу от одного дома до другого она не должна видеть, по телевизору говорили!..

– Дорога и есть самое опасное... – пробормотал он, посмотрел на меня по-бычьему, допил коньяк и с размаху швырнул рюмку в мусорное ведро; потом, заметив за холодильником бутылку вина, схватил ее. Но открыть было нечем, и он стал своим карманным ножом проталкивать пробку.

Видно было, что гнев распирал, душил его. Лучше на него не смотреть. Нож не шел, и он с размаха ударил по нему пепельницей. Пробка влетела внутрь, а вино выплеснулось на стол. Он отпил несколько глотков:

– Старая история: художник любит шлюху, а шлюха любит всех. Я хочу забыть тебя!.. Всё, с меня хватит!..

Я возмущенно фыркнула, но промолчала, хотя ощущение ошибки не оставляло меня. А почему, в конце концов, я должна что-то скрывать?.. Моя жизнь – это моя жизнь. Ну и вот. Нельзя сдаваться и показывать слабинку, еще бабушка учила. Как у него потемнели глаза и вздулись вены на лбу!.. Надо быть осторожнее!..

Было уже совсем темно. Его облик расплывался в темноте. Мутное пятно. Около раковины светлела капуста, блестел салат.

– Почему ты хочешь меня забыть?.. Разве нам плохо?.. – взяв себя в руки, начала я вновь терпеливо объяснять. – И у тебя были женщины!.. А я, между прочим, точно такой же человек, как и ты!.. И мы в Европе, а не на Востоке, не забывай!

– У меня никого, кроме тебя, нет!.. И пока мы вместе – у меня никого не было. И разве я тебе когда-нибудь вообще говорил о каких-нибудь своих женщинах, вспомни?.. Я ни разу за эти четыре года ни слова не сказал ни об одной из них!.. Это свинство – одной женщине рассказывать о другой. А сколько историй ты мне уже рассказала?.. – он отпил из бутылки.

– Я не могу врать, ты же знаешь... И притом у меня тоже никого не было. По-серьезному, я имею в виду, – сказала я, натягивая колготки и укутываясь плотнее в плед (из рам тянуло сквозняком, а за окном шел молчаливый снег).

– Лжешь, фашистка! А рыбы губы?

– А это просто так, эпизод, да еще во Франкфурте!.. При чем вообще ты? – искренне удивилась я.

– Приехали!.. – Он вскочил на ноги. – Франкфурт, между прочим, в двух часах отсюда!.. Дай мне шкалу твоей верности, чтоб я знал черту, за которой ты говоришь себе: «До сих пор я ему верна – а вот тут всё, моя верность кончается, тут я свободна!» Где эта шакаля шкала? Где эта чертова черта?.. Очевидно, у вас, баб, это как автобусные проездные: в этой зоне я еще верна, а отсюда уже все, можно блядовать?.. Так, что ли?.. Я еще понимаю, когда ты подолгу где-то торчала, это понять можно... – Он сделал затяжной глоток. – Но Франкфурт-то – вот он, рядом!.. Сколько же километров и дней отделяют тебя от измены?.. Где точка отсчета?.. Год в Италии на курсах?.. Понятно – далеко и долго, аргумент. Полгода во Франции на стажировке?.. Ясно, само собой, жабоедов попробовать. Три месяца на отдыхе в Испании?.. Как же, сам бог велел: солнце, сальза, тореро, пазля, серенада, кастаньеты... Две недели во Франкфурте?.. Конечно, почему бы нет?.. У этого губы толсты, у того хвост узорен!.. А полчаса, дверь соседа?.. А?.. Забежать, освежиться на минутку?.. Вот что такое шлюха, ясно теперь тебе?.. Все, с меня хватит. Я не хочу быть с женщиной, которая трахается с заезжими персами. Кстати, будь жив твой дядюшка-эсэсовец Пауль, он бы тебя научил, как должна вести себя настоящая германка!.. Жила бы ты при Гитлере, он бы тебе показал персов с неграми!.. Живо бы в концлагерь угодила, *гадина!* Там тебе место!

Тяжело дыша, он принялся напяливать второй ботинок без носка. Тот не лез, он плеснул остаток вина на пятку, втиснул ногу в ботинок, сунул окурочок в бутылку и послушал, как он там шипит и ворочается.

– И любовь наша пусть так же умрет. Хватит.

Сказал и ушел, хлопнув дверью так, что рамы задрожали в окнах и зазвенела посуда.

После ухода *зверя* я долго сидела у окна, следя за мятущимися ветвями за окном и укоряя себя за глупость. Но как понять этого *варвара*?.. То он требует, чтобы ему всё рассказывалось, то вдруг начинает свои истерики по пустякам?!

Звонок телефона. Я не сразу сняла трубку, думая, что это он и лучше не отвечать – наверняка напился вдрызг. Но это была подруга, Ингрид.

– Эй, Моника, как делишки? Хорошо, что ты позвонила! Он опять разозлил меня! – пожаловалась я. – Причина?.. Как всегда... Да, конечно... Но темперамент хорош в постели, а не в жизни... Он не дает мне дышать... Я, наверно, сама виновата, не надо было связываться. Другой менталитет, другая культура...

– Или бескультурье, – откликнулась Ингрид. – Я считаю, что быть мачо – это бескультурье, дикость, средневековое варварство!

– Просто он другой... У них там другие понятия...

– Вот пусть убирается в свой Мачоланд и там свои законы диктует – тут у нас другие правила. И старый он уже, из другого поколения. *Старый другой*. *Second hand*¹, словом. Сколько ему?

– Под сорок.

– Ну, а тебе?.. Чего же ты хочешь?.. – сказала Ингрид. – Хотя выглядит он ничего. А что вообще ему надо?.. Почему он тебя мучает?..

– Ревнует.

– А ты не давай поводов! Если дикого пса не дразнить, он не будет кидаться. Чего ты языком мелешь?.. Ляпнула что-нибудь?..

– Да, про перса того... Ну ерунда же это?..

– И зачем языком молоть на свою голову?.. Не говори ничего – и баста!.. Что он, у тебя между ляжками сидит, что ли?.. Ты что, не знаешь этих болванов мужиков? Из мухи слона делают, а настоящих слонов не замечают... Плюнь! Пошли

¹ Бывшее в употреблении, «вторая рука» (англ.)

лучше сегодня в Ледяной дом. Йогги приглашает всех на шампанское, он купил новую машину. Такая красивая, агатовый кабриолет, БМВ. Там и диско будет ночью. Йогги к тебе равнодушен. Он хорошая партия, не то что твой оборванец. Доминант проклятый! Отшей его скорей! Всё, чао, *мио Гио*, больше не звони, забудь мой номер!

– Не твое это, – окрысилась я. – За своими любовниками следи!

– Ладно, не шуми.

Ингрид собиралась еще посплетничать, но я поспешила отвязаться от нее и опять уставилась в свое отражение в окне.

В голову лезли тоскливые потухшие глаза *зверя* и то, как он не мог найти носок и беспомощно заглядывал повсюду, а я в это время сидела на носке, думая удержать его таким образом. Но нет, не помогло. Он ушел, бормоча свои колдовские проклятия и так хлопнул дверью, что сосед ойкнул в открытое окно: «О Боже!»

Дорезывая салат – зачем пропадать добру? – в сердцах злясь на свой язык, я почувствовала что-то вроде угрызений совести, в которых не хотела себе признаться. И в самом деле, почему я не могу рассказать ему о том, что было?.. Почему не имею на это права?.. Почему должна лгать?.. Кто он, в конце-то концов?.. Кто может мне что запретить?.. Никто. Ни отец, ни любовник, ни муж, которого я пока иметь не собираюсь. Нет, я никому и никогда не лгала, и ему тоже не собираюсь. Он спросил, что за сняжки на коленях, я и ответила. И нечего скрывать. И никому не позволю командовать собой, что-то запрещать или разрешать. Даже ему, которого, кажется, люблю. Так, по крайней мере, иногда кажется, хотя что такое любовь – я точно еще не знаю, каждый раз спрашиваю себя: «Может быть, это то?..» – и не знаю ответа.

Но бабушка права: надо сразу пресекать вопросы типа «где была, когда пришла, что делала, с кем танцевала», запреты, сцены и крики, от которых этот *псих* только глупеет в моих глазах, выглядит комично, хотя опасаюсь я его вполне всерьез – вздутые жилы на лбу, стеклянный взгляд, руки, ищущие, что бы разбить... Я и в постели не даю ласкать свое горло, чувствуя его зубы, готовые сомкнуться в хватке. «Ты *зверь*, *зверь*, я боюсь тебя!.. Ты укусишь!..» А потом все равно млею в горячем оцепенении под его грубо-нежными руками...

Тут позвонил Йогги:

– Как дела? Все в порядке? О' кей. Заехать за тобой?

– Спасибо, не надо. Я еще не знаю, пойду или нет.

– Почему нет? – спросил он, отчего я усмехнулась: «Почему нет... А почему да?..» – и ответила:

– Потому что я плохо себя чувствую, после экзамена устала.

Йогги стал настаивать. Это мне не понравилось. Я отрезала поостроже, он замолк и повесил трубку, сказав напоследок, что только хотел заехать за мной – и больше ничего. Я его поздравила с новой машиной, думая про себя: «Не нужны твои ухаживания... В Ледяной дом я и сама доберусь, если надо...»

Лежа в ванне, я долго игралась с гибким душем. Жаркая струя скрытно, невзначай начинала свой томительный ход со ступней, ползла по телу... Но я, встрепенувшись, наскоро обмылась, приговаривая:

– Все, пехота! Пехота, вперед! (в детстве, когда я с мальчишками играла в войну, они мучили меня, заставляя маршировать, и я, едва сдерживая слезы, ходила взад и вперед по желтой листве и твердила себе: «Пехота, не сдаваться! Не плакать!» Это потом я узнала от бабушки, что слезы – щит и меч женщины, а тогда думала, что плакать – очень стыдно).

С неприязнью думая об этом рыжем клерке Йогги, который исподволь домогается меня, я села перед зеркалом. С одной стороны волосы зачесаны, с другой

свободны. «И как кому-нибудь может нравиться женщина, у которой такие разные профили: один – кроткий, другой – хищный?» Странная асимметрия. Из-за этого я часто переживала в детстве, а потом вдруг раз и навсегда уяснила себе, что она-то, эта асимметрия, и привлекает мужчин.

Раньше мне совсем не нравилось, когда они рассматривали мое лицо и фигуру, теперь же это вызывает приятное чувство: пусть смотрят! Первыми начали пялиться учителя, потом все остальные. Не спускают глаз с груди и бедер... Ну и плевать! Пусть пялятся – даже приятно, иногда даже очень... Интересно, какая им больше нравится – Ханни, правая, или Нанни, левая?.. Хотя они обе одинаковые, что тоже редкость... У Ингрид, например, одна – как дыня, а другая – как груша. У Доротей не лучше...

Когда я начала подводить глаза, мне подумалось, что *мачо* наверняка мучается по-настоящему, а я просто упрямая дура и все всегда делаю ему назло. «Упрямая коза!» Вот сейчас я крашусь перед диско, а когда жду его – то краску и не трогаю вовсе, хотя и знаю, как он это любит (у них там, в ост-блоке, женщины всегда перемазанные). А почему, спрашивается?.. Из упрямства?..

Но макияж – это смерть для лица. Кожу не дышит, морщины появляются. Будешь потом выглядеть, как потасканная путана. Краситься можно иногда, редко. Конечно, я могла бы краситься и для него, но я принципиально этого не делаю. Да и какой вообще смысл краситься, если краска все равно тут же окажется смытой поцелуями?..

Или, может быть, у меня на *зверя* уже выработана «обратная реакция», как у мамы – на папу?.. Раз он этого требует, то и не сделаю нарочно?.. Да, я с детства упряма. Ну и что?.. Все люди разные.

«Кстати, где та мини-юбка с блестками, подарок Ингрид?.. Вообще-то она немного того, слишком уж наглая – черная кожа, яркие блестки... Ну да ничего, пойдет... Я не монашка... А, вот она...»

А ведь его желание видеть меня в этой мини-юбке я тоже никогда не исполняла. А зачем?.. Надеть, чтобы через час опять снять?.. К тому же на людях мы почти не встречаемся, а наедине обычно бываем голыми, так что он толком, наверно, и не знает, как я выгляжу одетой.

Но что же делать, если все наши выходы в город оканчивались какой-нибудь неприятной историей?.. Он пил, связывался с разными типами и раз так страшно выругал на своем языке какого-то доходягу, что тот со страху упал спиной в кусты. Вот поэтому мы встречаемся только наедине.

Но я молода!.. Мне нужны встречи, друзья, отдых, музыка, диско, болтовня до утра, танцы. Почему нет? Студенческие годы. Да, мне нравится танцевать с высокими, рослыми парнями, смотреть на их движения, большие руки, широкие плечи и загадочные ширинки. Ну и что? Я же не больная какая-нибудь, а здоровая нормальная девушка.

А *варвар* танцевать не умеет, на диско приходил всегда выпивший, ерепенился, никого не подпускал ко мне. Да и старый он для диско, задыхается там в дыму... Кому не надоест? Мне надоело. И я решила ходить с подругами, без него. А если я что-нибудь решаю, то твердо держусь этого. Но ходить одной тоже как-то глупо: у всех партнеры, после диско, ясное дело, всегда куда-то идем, какие-то парни втихаря делают мне намеки, все это злит, раздражает. А потом еще он по телефону начинает донимать глупыми вопросами, где была и что делала. Там была и то делала! Нет сил отвечать на них...

Правда, после последнего скандала он попритих, но вот сегодня опять заклинило... Мне тоже уже все это надоело. Любовь – хорошо, но свобода лучше. Слова нельзя сказать. И что мне было говорить – откуда синяки и красные пятна на ко-

ленях?.. В церкви стояла?.. Из автобуса выпала?.. Клубнику собирала?.. Да я просто хотела посмеяться вместе с ним над тем персом, как у него сразу все настроение понизилось после того, как мы с кровати навернулись. А он истерики устраивает!.. Пусть теперь пеняет на себя. *Сумасшедший старичок!*

Иногда мне кажется, что он настоящий *психопат* – что он, например, устроил на «Веселой опере»?.. Всем известно, что это очень смешное шоу, все приходят переодетыми и швыряют друг в друга рисом, рулонами туалетной бумаги и обливаются из пистолетов. Так он сцепился там с кем-то, кто его якобы специально обливал и за шиворот рис сыпал, вытащил нож (сколько раз я говорила ему, чтобы он с ножом не ходил – здесь не Кавказ, а цивилизация!). Да так сцепился, что пришла полиция. Еле отвязались. Зачем мне такой *дикарь*?.. Совсем не нужен, от него одни стрессы, проблемы и опасность... Ну, посмотрим... А сейчас пора вызвать такси и ехать в Ледяной дом – не сидеть же одной в пятницу!..

2

Он оглушенно лежал в оцепенелой тоске, не зажигая света, не в силах закурить, шевельнуться. По кругу бегало замкнутое: «Все, конец... Конец... Этого терпеть нельзя... Это позорно... Конец...». И никакие робкие мыслишки о том, не все ли равно, пусть делает, что хочет, от тебя же не уходит, забудь глупую ревность – не могли растворить мутной уверенности в своей правоте: «Нет. Нет. Нет. Так дальше не пойдет».

Потом он вдруг представлял себе их разрыв и пугался той ямы, куда попадал без неё, когда она уезжала к родителям или отдыхать, «набираться опыта» ... Но ревность ставила своей угрюмый росчерк: «Нет!».

«Как же убить ревность, если не разлюбить?.. – думал он почти панически. – Выковырять из души, изгнать из сердца, забыть, не думать... Да, было. Да, жаль. Но что делать?.. Забудь... Отрежь... Оторви... Не вспоминай... Вычеркни... Замажь... Закрой... Захлопни... Затвори... Ты же сильный, ты же можешь... Ты же должен... Надо. Что же делать?.. Замуруй... Похорони...»

Ведь с картинами тоже так: вначале влюблен в неё, сходишь с ума, живешь ею, а потом, постепенно, она становится безразлична, начинает надоедать, беспокоить, действовать на нервы, занимать место, путаться под ногами... Картину хоть продать можно, а любовь куда?.. В мусорный?.. Значит, надо разлюбить. И выбросить из души все, что связано с ней. Чтобы убить ревность, надо убить любовь, пока ревность не убила её (иногда вместе с человеком).

И ему стало не по себе: всё, что лепилось и вращивалось, – ломать и крушить; все, что помнилось, – забывать; все, что доставляло радость, – вырывать, корчевать, жечь. Рвать письма и фотографии, пить снотворное, гнать прочь миражи. Но всё равно – шаги в ночи, профиль на стене, губы в тиши... Вот она, нагая и горячая, обдает запахом влажных волос... Но вытянешь руку – пустота вместо плоти...

Разлюбить надо сразу. Разом отрезать, как попасть в тюрьму. Вот стены, бейся – не бейся о них головой, толку все равно не будет, так что ищи себе место на нарах и живи дальше. Забыть, отрезать, обрубить, заштриховать.

Да и вообще – что делать дальше, с ней или без неё? Продолжать торчать в Германии, пробавляться грошами – что за заработок у художника?.. Или уехать домой, в Тбилиси, забиться в щель и сидеть, как все его друзья?..

Вспомнился один из последних приездов. Город еще не пришел в себя после бойни. Главный проспект был искорежен гусеницами танков. На улицах – мало знакомых лиц, шайки странной молодежи. Рассказы об убийствах, похожие на

страшный сон: играли в футбол головами, ложкой выковыряли глаз, зажарили живьем на железном пруте.

Город еще, казалось, дымился. В развалах мусора сидели тощие кошки. Стаи бродячих собак тянулись за редкими прохожими. Света, газа и воды не было. Вечерами, в мгlistой серости, улицы напоминали фильмы ужасов. Днем по городу передвигались какие-то личности в защитной форме. Стволы автоматов торчали из машин. А простой люд смотрел друг на друга со страхом и опаской.

На третий день его остановили, обыскали, нашли заграничный паспорт и отвезли в участок, где стояла удушливая вонь, – в арсенале кто-то жарил тушенку с луком. За грязным столом двое мордovorотов устроили допрос:

«Кто?.. Что?.. Откуда?.. Куда?.. Мафия?.. Анаша?.. Опиум?..»

Он с ненавистью следил, как они вразвалку ходят по кабинету, развешивают по крюкам куртки и ремни с пистолетами, по-хозяйски звонят и распоряжаются. В конце концов они потребовали штраф «за нарушение паспортного режима», и он сидел в запахе тушенки до тех пор, пока отец не принес 200 марок.

«Ты отвык от этого! Успокойся! Будь рад, что так отделались! Кругом бандитизм, убийства, грабежи!» – говорил отец.

«Не хочу привыкать! Это уже не по мне!.. Черные очки нацепили, на машинах “Police” намалевали!.. Какая это полиция?.. Это те же грязные, вонючие, жирные, советские менты, собаки!.. Я действительно отвык, что каждая мразь может поставить тебе дуло к виску, обыскать, унизить!..» – возмущенно отзывался он.

И там было тяжело и сумбурно. И в Германии не лучше – всё иное, чужое, странное, чуждое... Вот хотя бы с ней...

«И чего лезет со своей правдой? – остро подумалось ему. – Лучше бы я ничего не знал!»

«Странно. То заставлял ее говорить, где была и что делала, расспрашивать с диким любопытством, а теперь упрекать за правду! Не спрашивай!» – возразил остаток здравого смысла.

– Что же делать? – пробормотал он, садясь на кровати.

Комната была освещена луной. Вдруг он поймал на себе взгляд из угла, с доски: мерцали два большие гайки-глаза, покачивался здоровенный болт-нос и скалился рот из гнutoго остова будильника. Гайки засыпаны блестящими шариками и залиты клеем. Болт угрюмо молчит, а во рту полно шестеренок. Это «Бес», начатый недавно.

В последнее время он мало трогал краски, ему стало казаться, что в красках есть что-то лживое, фальшивое, продажное. Больше нравилось возиться с предметами – наматывать грубые нитки на фанеру, выкладывать дорожки из камешков, холмы из пемзы, островки из бусин. Заливать все это прозрачным цепким клеем. Иногда разогреть гудрон в старой кофеварке и лить его, кипящий, на доску. Гудрон шипел, застывая, и была всего минута в запасе, чтобы успеть всадить в него предметы – цветные стеклышки, железки, колесици-винтики.

Рядом с «Бесом» томились другие доски. Берег из горошин. Спящие раковины. Марево из медных опилок. Небо отливает серой дробью. Перламутровая ночь. Ночь над горизонтом. Луна-пуговица.

«Почему всегда только темные, ночные, угрюмые пейзажи?..» – нередко спрашивали его, и он не знал, что отвечать. Да, отрадного мало... Дороги в никуда, далекие пирамидки, одинокие озера, остовы, башни, столбы... За столбы особо упрекал один жизнерадостный искусствовед, трактуя их по Фрейду и видя в них одни черные фаллосы.

«Почему только фаллосы? – вяло сопротивлялся он. – Вон и вагины попадают... К тому же это есть первые символы. Их еще Дионис таскал с собой на шестивых, так почему бы и не изображать?..»

Было около полуночи. Он не выдержал и потянулся к телефону. Никого. В длинных гудках почудилось что-то омерзительное. Когда они бывали в постели, она тоже не брала трубку. Тут его осенило – да это же перс явился к ней гости!.. Да, приехал, чтоб на другой, более устойчивой кровати попробовать... Ехать недолго, пару часов... Рухнула кровать, пришлось трахаться на полу, на четвереньках, поэтому синяки... Долго, видно, стояла, изгибалась, оборачиваясь, в глаза заглядывала, как она умеет...

– Надо ехать к ней! – беспокоило сказал он себе и начал было собираться, но потом опомнился: «Какой перс?.. Перс во Франкфурте!.. Она где-нибудь на диско, сегодня пятница. Раз запланировано диско, то и будет диско, даже если любовник повесится... Да, души у них из кремня, из грубого гадкого камня... И как нагло сказала, что на пол, мол, пришлось перебраться – кровать сломалась!.. Видно, дрючил её крепко, раз даже кровать не выдержала...»

Без снотворного не уснуть. Он выпил две таблетки, завалился на кровать.

Что между небом и землей?.. Воздух. Облака. Горизонт... Пока дойдешь до него – солнце потухнет... Сидеть на месте, неметь, как жук в смоле. Ламы по двадцать лет неподвижны... Их горизонт открыт и бесконечен. Живет только мысль. Как рождена мысль?.. И где живет?.. И как умирает?.. В пирамидах нашли зерно... Вечное оно, как камни или вода... Венок из цветов на груди Тутанхамона. Сотни веков канули, а цветы еще пахнут... Анубис охранял и нюхала Исида.... Зерна на лице земли... Неизвестно, кто сыплет нас, кто выметает прочь...

...Под утро он вышел из забытья, лежал с открытыми глазами, уставившись на лунную дорожку, в осаде беспросветных мыслей. На душу навалилась глыба чего-то, от чего невозможно избавиться, вроде смерти, непосильной тяжести. Одиночество смыкалось темным покрывалом.

Он встал, бесцельно побродил по комнате, присел на корточки возле «Беса», покачал болт-нос. Ощупал рот с острыми зубами шестеренок. Предметы были холодны и безучастны.

«А какое вообще я имею право запрещать кому-то что-то делать?.. – подумалось ему. – Как можно приказать Монике быть преданной или верной?.. Любви насильно не бывает».

Что он может требовать от нее?.. Чтобы она не виделась с друзьями?.. Абсурд. Чтобы не ходила куда?.. Глупость. Она студентка, у нее есть коллеги, знакомые, вечеринки, компании, куда, может быть, ей бывает и неудобно *иносранца* водить... Да, да, это может быть так... Это даже наверняка так... Она-то никогда об этом не скажет, но это так... Мало было чинных немецких посиделок, когда он напивался в стельку?.. А на следующий день ей приходилось краснеть перед своими девочками, которые обсуждали вчерашнюю вечеринку, где дикарь Гио сделал то-то и то-то, выпил столько и столько, схватил кого-то так-то и так-то, разбил три стакана, съел все бутерброды и блевал в туалете, так что уборщица нашла эти срамные следы и написала рапорт по начальству.

Запретить ходить на вечеринки?.. Ни с кем не говорить по телефону?.. В кино?.. На танцы не бегать?.. Абсурд. Ей же все это надо... А с кем же ей ходить, как не с парнями?.. Вон их сколько, молодых, веселых, с деньгами... А когда она пофлиртует, поужинает, потанцует и потом закономерно захочет в постель – почему нет, это же только спорт, аэробика, физкультура, тренировка, гимнастика тела, – то какими аргументами можно ее разубедить или удержать?..

Про сексо-спорт ей все время внушает её подруга, эта шлюха Ингрид, которая однажды сказала сакраментальную фразу:

«Все хотят трахаться! – и добавила для ясности: – Кому хочу, тому даю, моё тело, никого не касается!»

И это была голая правда. И нечего было на это возразить. А Моника поддакивала, мотала на ус (или куда в другое место) и ходила с ней в кафе «смотреть фактуру».

Как вообще они столько времени продержались вместе?.. Когда они познакомились на курсах рисования, куда она зачем-то явилась, она была *толстенькой дурочкой*. Он старательно обучил ее всем премудростям. И кара не заставила себя ждать. На что же надеяться глупому Отелло – привез Дездемону на солнечный пляж, к океану, окунул в его сладкие воды, а потом – визжать: «Не смей купаться без меня, я не разрешаю! Купайся и плавай только со мной!». Каждый Отелло сам себе роет свою выгребную яму, где обязательно рано или поздно утонет.

Остается одно – изъять и вычеркнуть ее из своей жизни. Никто не хотел уступать. Партия окончилась обоюдным поражением. Он не желает любить спермохранилище. Не в силах относиться к ней, как к куску мяса в коже. С другой какой-нибудь бабой мог бы, но не с ней: слишком было сильно прежнее чувство, чтобы свести его к биде и регулам.

«Никаких персов я не потерплю. Не дам плевать себе в душу. Избавиться от нее – и все. С глаз долой – из сердца вон, по её любимой подлой присказке, выдуманной блядьми. Нарисовать напоследок ее портрет – и сжечь. В конце концов, свет клином не сошелся. А если и сошелся, то клин клином вышибают, есть еще женщины...» – распирало его от злости.

Он стал судорожно рыться в потрепанной записной книжке. Анке... Хайке... Майке... Ютта... Улла... Нет, подальше от этих валькирий, пусть с ними тевтоны воюют, с него хватит одной... Как она говорит?.. Врать и воровать – самые большие грехи. Понятно. Лучше резать правдой по живому сердцу напополам, на четвертинки, на восьмушки... Крошить душу на винегрет...

Мелькнула шальная мысль высыпать содержимое мусорного ведра на пол, залить все это клеем, а линолеум вырезать и вставить в раму. Композиция «Моя жизнь». Чем не правда?..

Куда вообще уходят дни и часы его жизни?.. На что?.. На копание в дерьме?.. У нормальных людей – семья, положение, перспективы, деньги, а у него?.. Зыбкость. Мрак. Пустота. Нищета. Глупость жизни. Жалкий учителяшка рисования. Слепец и немец. Немец...

И зачем тащиться дальше, как брейгелевские слепцы: и вожатый давно в канаве, и друзья сгнули по болотам, а они плетутся куда-то без цели? Какая цель у слепца?.. Не погибнуть бы – вот и все. Живи дальше в крошечном мире звуков и запахов, где все зыбко, неопределенно, странно. Бреди себе наугад по своей гирилянде ошибок. Чем расцветить нищенскую жизнь слепца?.. Какие картины слепец рисует сам в себе, сам себе?.. Это никому не известно. Его сны – это сны нерожденных младенцев, паромы-переправы для души в её вечных перелетах.

Ему вдруг представился тот странный тип с ватой в ушах, который преподавал ему в школе рисование, – самый блатной предмет. Дети нещадно травили бедного художника: воровали из его оттопыренных карманов трубки ватмана, прятали мел, натирали доску воском, подкладывали на стул кнопки, а он, чтобы успокоить их, рассказывал уроки напролет о жизни Гойи, Брейгеля, Веласкеса, Микеланджело, украдкой подкрепляясь из бутылки, спрятанной в уродливом портфеле, куда дети однажды умудрились положить кирпич и даже хотели пописать.

Мало что понимая из его сбивчивых рассказов, они замороженно слушали все эти сказочные небылицы, воочию видели золотые кубки и царские дворцы, вельмож в камзолах и охрану в перьях. Особенно всем нравилось, что цари и короли бегали за художниками и умоляли художников их портреты.

«Они что, разве не главной художников?» – удивлялись дети.

«Нет, не главной, – так твердо тряс головой учитель, что вата выпадала из его волосатого уха. – Художники – самые главные!.. Художники – как Бог: делают то, чего еще нет на свете».

«Что-нибудь новое? Как новую игрушку?» – уточняли они.

«Примерно так», – загадочно усмехался он.

Авто Варази, умерший от запоя тбилисский художник, тоже любил развивать эти сравнения:

«Художник – Божий подмастерье, и если Бог лепит лес и реку, то и художник потом на своем холстике, как обезьяна Бога, кривляется, показывает, что и она такая же сильная, как Бог, тоже может что-то понимать и делать. Ну, можешь, ну, понимаешь – и хорошо, и делай, сколько сил есть, – все лучше, чем людей убивать или воровать. Красот много, но красота одна!.. Надо выпить!»

После этого тоста Варази обычно принимал костить Малевича за его «Черный квадрат». Галлюцинируя, кричал и гнал призраков от стола:

«Ты, черный Казя, сиди в углу! Сиди там в темноте и носа не показывай! Черного в мире и без тебя навалом, его каждый дурак может показать! А ты вот свет дай людям – тогда мы тебе спасибо скажем!.. А пока сиди там и не рыпайся! Налейте ему штрафной, – милостиво приказывал он, и кто-нибудь, чтоб не сердить Авто, нес в угол вино, украдкой выпивая его по дороге и показывая из угла пустой стакан: вот, мол, черный Казя выпил штраф!»

«Хорошо. И Брейгеля-старшего не забудьте, налейте, а младшему не давать – не дорос еще до вина... Кто может душу в глазах показать, тот и мастер. Остальные – только так, шелуха! – Авто делал движения, как бы выметая веником мусор. – Душу на холст выложить из глаз, через глаза. Это мог лучше всего великий Тициан. И Рембрандт знал, что тело к голове, а не голова к телу. Тело для души, а не душа для тела... Поднесите ему штрафной, заслужил!»

Когда кто-то жаловался на что-то, Варази, взвываясь на своем лежбище, кричал: «Не надо жаловаться! Всё – расплата за грехи! Скажите спасибо, что вообще родились! Другие сперматозоиды и этого лишены! Солнце, море, горы – чего вам еще, глупцы?»

«А какие у меня грехи?.. – подумал он почти обиженно, но тут же одернул себя – как это «какие»?.. Разве мало причин для греха?..

Когда дома идет война, снаряды рвутся и твоя семья, в холоде и страхе сбившись в одной комнате, ждет смерти, ты тут ешь и пьешь и сидишь в тепле – не грех ли это?.. Там – треск стен, а тут – блюзы и блюзы. Там – суп в ведре на всех соседей, сваренный на костре, на который порублено любимое дерево, под которым ты вырос; дрожь земли от разрывов снарядов и вопли детей, а тут – пьяные морды стареющих баб, не знающих, какой еще перстень напялить на свои когтистые лапы и в какую еще гваделупу отправиться отдыхать. Ты напиваешься в стельку, чтобы не видеть и не слышать ничего вокруг, а они кивают головами: «Они все такие!» – и накрывают тебя пледом, потому что в эмиграции всегда холодно, даже если очень жарко...

«Лучше пустой хлеб, чем полная война! За мир!» – любил повторять сосед дядя Михо, который воевал и знавал, по его словам, самого Кантария.

И вот пришла война, а за пустым хлебом выстроились очереди. Война вошла сразу в сердце города. На его тревожные звонки отец запретил приезжать, прика-

зал сидеть там, где сидит: «Что толку, если тебя разбомбят вместе с нами? Да и аэропорт не работает...»

Наконец бои утихли. Аэропорт открылся. Он занял деньги и полетел домой.

Полумертвый аэропорт. Небритые рожи в полушубках, ватниках, хаки. Странно было ехать по черному городу. Развалины детства. На главной площади зияют проемы – тут стояла биржа ребят, где всегда можно было найти защиту. Вот ко-рявый остов душистого некогда заведения под таинственным названием «ТЭЖЭ» (мама иногда заходила с ним сюда за мылом или кремом, и он любил смотреть на жужжащих вокруг женщин, нюхать их запахи и глазеть на цветные юбки, которые были как раз вровень с его головой).

«На твои пейзажи похоже... – усмехнулся отец. – Вот что нас ожидало...»

«Мне стыдно, что меня не было тут!» – пробормотал он, но отец махнул рукой:

«На Земмеле, между прочим, рестораны работали...»

«Как это?» – не понял он.

«Очень просто. Война доходила до гостиницы «Иверия», а дальше жизнь шла своим чередом».

Маразм! Дома стоял холодный, прогорклый запах стылого жилья. На кухне гро-моздились примусы. Света не было. В комнатах горели свечи и коптила керосинка. Телефон не работал. Ночью спать надо было в пальто...

Он опять не выдержал и набрал её номер. Было полшестого утра. Она взяла трубку.

3

6 декабря 1996

Вернувшись под утро из дискотеки, я завариваю чай из трав. За здоровьем надо следить с юности, еду покупать в лавках с экологически чистыми продуктами и есть только вегетарианское. (Мясо мне вообще омерзительно.) Поэтому *варвар* дразнит меня *экобабой*.

Тут позвонил телефон.

– Тебя не было дома? – спросил он угрюмо.

– Ты же знаешь, зачем спрашивать? – ответила я, выждав паузу и зная, о чем он хочет спросить.

– Я решил, что нам лучше больше не встречаться. Я не клоун. У меня еще осталась гордость. Издеваться над собой я не позволю. Не ревновать я не могу. Если я люблю, то и ревную. Настоящей любви без ревности не бывает. А как убить ревность, не убив любовь?.. Или с ревностью – любовь, или пустота без ревности. Третьего не бывает.

– Что-что? – не поняла я. – Ты что, это по бумаге читаешь? Написал?

В трубке что-то звякнуло.

– Ты пьешь? – спросила я его. Не хватало еще, чтобы он пьяным явился выяс-нять отношения. Бывало уже не раз!..

– Не пью. Пока. Бутылка не продаст и не предаст, она верна до последнего.

Я не стала прислушиваться к шорохам в трубке. Слова о том, что нам надо расстаться, всегда вызывали неприятные ощущения. Как бы объяснить ему, что я вовсе не хочу с ним ссориться и рвать отношения?.. Но если он будет настаивать... В конце концов, такие разговоры надоедают... И гордость есть не только у него. Не нравится – пожалуйста!..

– А где ты была?

– Зачем тебе?.. Ты же хочешь ссориться? Вот и давай! – оборвала я.

– Круг сужается. Я, как волк, обложен твоими любовниками....

– Какими любовниками?.. Ты сумасшедший, псих!.. – Это начинало злить.
 – Флажки все ближе, круг все уже. Завтра ты у меня на глазах начнешь трахать-ся с каким-нибудь индусом...

В этот момент он показался мне таким глупым, что пропало всякое желание разговаривать. Какие любовники, что ему, в конце концов, надо?..

– Что ты от меня хочешь? Что ты мучаешь меня? Я ничего плохого не делаю. А если и делаю – то это мое дело! – огрызнулась я. – Оставь меня в покое!.. Я не могу менять твою любовь на мою свободу! Любовь – это свобода. А если я, как служанка, должна служить тебе, то это будет ненависть, а не любовь! – отчеканила отчетливо, чтобы до него дошло.

– Свобода мучить другого, делать с ним всё что угодно. Вот такая эта твоя свобода! – начал сумасшедший старичок свою философию. – И надо иметь черствое сердце, холодную душу и рассудительное влагалище, чтобы быть такой свободной, как ты!

– Пусть так, может быть, – отозвалась я. – Оставь меня в покое. Мое рассудительное влагалище хочет спать.

Радиотелефон позволял мне ходить по комнате, освобождаться от одежды, залезать в тапочки, искать халат, следить за чаем, который ни в коем случае не должен был вскипеть. Никакие его рассуждения я не могла и не хотела теперь слушать. Хочет ссориться – посмотрим, кому будет от этого плохо.

– А где ты была всю ночь? – вспомнил он опять.

– На дискотеке, – кратко ответила я.

Он презрительно хмыкнул, но притих.

Мне стало жаль его:

– Мы с девочками пошли на диско. Там случилась такая история... У меня есть один друг, Йогги...

– Друг по-европейски или по-человечески? – перебил он с издевкой.

– По-человечески. И на диско этот Йогги вдруг потерял все – бумажник, ключи, карточки, деньги... И новую машину его кто-то ударил...

– Это ему мой «Бес» отомстил, – сказал он удовлетворенно.

На это я только хмыкнула (опять его шиз, идея-фикс, что его картины могут его защищать или мстить за него):

– Мстить?.. За что же мстить?.. Йогги мне никто!

– Но может стать кем-то.... – он пошуршал там. – И что дальше?

– Ничего. Начали искать. Подожди, я заварю чай.

– Жасминно-лимонный? – съязвил он.

– Клубнично-морковный.

О том, как выглядел Йогги, я не хотела рассказывать, но себе пришлось признать, что более мерзкого зрелища давно не приходилось видеть: красный, потный, Йогги бросался во все стороны, заставил выключить музыку, объявить о потере, метался среди толпы, требовал кого-то обыскать, искать, найти, а на улице, увидев, что на его новом БМВ зияет пробоина, чуть не упал в обморок, побелел и поплелся звонить в полицию. Привратники пожимали плечами – никто не подъезжал, они никого не видели. А Йогги с трудом тыкал пальцем в кнопки телефона и все куда-то звонил. Выглядел он жалко: обычно высокомерные глаза смотрели из-под очков растерянно и убито, носик был в каплях пота, даже веснушки побелели на лбу, и я с брезгливостью смотрела на него, не представляя себе, как я могла раньше допускать мысли о близости с ним. Слава богу, только мысли... Ведь я на самом деле очень брезглива, хоть *мачо* и оспаривает это. (Впрочем, он оспаривает все, и мне очень трудно с ним – другая культура, менталитет, нравы). После всех передрыг танцевать или ужинать уже никому не хотелось, и мы

разъехались, оставив Йогги с приятелями бродить по залу в поисках бумажника и разбираться с полицией. Вот где я была и что делала. Доволен?

Но я этого ничего не сказала:

– Всё. Заварила.

– Небось этот Йогги имеет на тебя виды? Или было уже что-нибудь? – начал он свою песню.

– Замолчи! Хватит! Надоели твои идиотские шутки!

– Не лай, как овчарка! Сыт по горло твоим хамством! – заявил он.

Это меня окончательно взбесило. Кто говорит о хамстве?! Что он, в самом деле, свихнулся?!

– Я у себя в будке! – закричала я. – Я в своей будке, в своей! Я здесь родилась, и тут такие законы! Не нравится – уезжай, никто не держит, и там приказывай своим женщинам в чадрах, а меня оставь в покое! Schluß! Aus! Ende! Feierabend! Finito!²

Нагавкав на него, но не отключив трубку, я стянула с себя лифчик и залезла под одеяло, сказав себе, что не следует обращать внимания на его крики, пусть свою агрессию выкричет. Глаза слипались, и тело уже начинало греться под периной, которую прислала бабушка, – она читала мне в детстве сказки, «Барашек и рыбка», «Золушка», и учила быть гордой и честной. Кстати, именно она чуть не настояла, чтобы меня назвали глупым именем Паулина, которое пришлось бы сокращать в Паулу, что тоже звучит по-идиотски, и люди наверняка спрашивали бы меня, не итальянка ли я, хотя кто видел таких рослых итальянок со светлыми волосами, белой кожей и таким бюстом?.. «Моника» мне тоже нравилось мало, однако было лучше, чем «Паулина». В «Монике» – что-то капризное, пухленькое, но симпатичное, а от «Паулины» несет нафталином!

А зверь говорил, говорил... Я вслушалась:

– Что ты будешь делать, когда станешь старухой? Берегись!.. Придет расплата за эмансипацию!.. Без семьи, без детей, без человека, который тебя любит... Конечно, если ты будешь богата, ты сможешь купить себе какого-нибудь алжирца, но не доверяй его глазам и не сомневайся, что он тут же уйдет к другой старухе, которая побогаче...

– Что ты бредишь?.. Какие старухи?.. – спросила я, зевая. – Мне 23 года, я только начинаю жить.

– Я решил. С меня хватит. Пусть губастые персы и блядские монголы тебя трахают!

– Монголы? Они малы для меня! – засмеялась я. – На лесенку придется вставать!

– Ничего, встанут! Как тот официант-филиппинец, который драл тебя на корабле в каюте. Коротышка проклятый!

– Не беспокойся. Рост у него был маленький, зато все остальное – в норме... Ну все. Спокойной ночи. Твой барашек хочет спать! – сказала я.

– Ты фурия и садистка, а не барашек! – заорал он. – А я – козел рогатый!

– Нет, я миленький барашек, а ты – *симпатичная рыбка*, – упрямо произнесла я сквозь дрему.

Вечером этого же дня мы с Ингрид решили посидеть в кафе.

Ингрид была в новой тройке – брюки, жилет, пиджак. Стальной взгляд голубых глаз, короткая стрижка, резкие манеры, коричневые ногти и красный галстук. Только пилотки не хватает. Я была ей подстать – красная мини-юбка, прическа а-ля тридцатые годы, шнурованные сапоги выше колен.

² Хватит! Достаточно! Свободен! Конеч! Финита! (нем.)

Своим видом и ростом мы явно выделялись в толпе. Вообще-то я не хотела идти в город: устала в университете, надо было писать курсовую, возня с цифрами и схемами угнетала, но, утыкаясь в компьютер, я забывала обо всем. Чтобы получить диплом экономиста, надо много работать. И порядок должен быть во всем. И прогулка не помешает.

Повесить пальто нам помогли какие-то молодые люди. Официант быстро нашел места в полном зале. Пока приносили кофе и пирожные, Ингрид успела пересказать последние сплетни и поглядывала теперь на меня, ожидая услышать что-нибудь взамен.

– Ну, как там дела с твоим second hand? – как бы между прочим осведомилась она.

Я повела головой:

– Поссорились.

– У меня тоже много проблем с моим домашним животным, – со вздохом обнадеедила Ингрид. – Он не выключает свет, когда выходит из ванной... Забывает завинчивать тюбик пасты... Ах, ничего не поделаешь, такая наша доля – борьба. А то распотчут. Им палец дай – они и руку оторвут.

– Он *мачо*. Из-за этого все конфликты, – отозвалась я.

Ингрид взвилась, фыркнула:

– Не из-за этого, а из-за твоего глупого языка. Зачем в ту же секунду докладывать, с кем была и что делала?.. В конце концов, это твое тело, и кому какое дело, с кем ты переспала?.. Зачем отчеты давать? Зачем дикого пса мясом дразнить?

– Я не хочу врать. И не могу. Он же видел синяки, куда ж я их дену?.. Притом не в мужчинах дело – он и знает-то о трех-четырех, не больше... А ссоримся мы часто.

– Из-за чего?.. В постели?.. – зажглись у Ингрид глаза, как пламя спиртовки.

– Нет, как раз в постели все хорошо... – разочаровала я её, помогая официанту расставить чашечки и тарелки. – Или до, или после... Вот из-за еды бывает, например. Он же знает, что я не ем мяса, не выношу даже запаха его, ненавижу этих жареных куриц. Нет, так он обязательно принесет какую-нибудь мерзость и эст. А мне смотреть противно, тошнит, я прикасаюсь к нему после этого не могу – не то что целовать. А когда я говорю ему об этом, он злится. У них там такое правило: если пьешь, то и закусывать надо. Или вот из-за негров недавно...

– Из-за негров? – пыхнула спиртовка. – Кстати, а как твой друг из Габона, о котором ты писала? Он был хорошим любовником?

– Ах, он же потерял все свои бумаги, документы, паспорт – всё было в папке, а папка упала с моста в реку, а его выслали из страны. Больше ничего не знаю. *Мачо*, кстати, уверен, что это какие-то силы отомстили за него, – добавила я.

– Глупости, суеверия. А с тем Габоном в постели было о'кей?.. Я с тех пор – ну, ты знаешь, с каких, – больше негра не пробовала.

– Ничего особенного. И притом он делал это так быстро... Правда, часто... Как-то непривычно... – призналась я.

– А какой у этого Габона был член? – не унималась Ингрид.

– Кривоватый, как бумеранг. Но с ним мне было скучно. Месяц я выдержала – и больше не смогла. Притом он так противно хрюкал носом... Если с мужчиной скучно – то и никакой бумеранг не поможет.

– Не скажи... – с сомнением покачала головой Ингрид, но предпочла тему не развивать. – Ну да ладно. Ты начала что-то о неграх...

– Да. Вот принялся он как-то негров ругать. У него там, где он живет, есть один сосед-негр. И он начал ругать их: они-де воняют, как грязное белье, жарят чеснок и селедку, всюду гадят, не дают ему покоя. А ты знаешь, я не терплю расизма...

– Они все там, за стеной, расисты, – вставила Ингрид, одновременно улыбаясь парню за другим столиком. Я переждала и продолжала:

– Я его попросила замолчать, а он поднял шум... Поссорились... Из-за музыки тоже как-то было – я включила регги, а он начал протестовать. Я говорю, мне нравится, а он кричит, что ему – нет. Я говорю, иди домой и слушай там свой столетний «Пинк Флойд», а он – дверью хлопать, да так, что сосед снизу в полицию звонить хотел.

– Ты наверняка сказала ему не «иди» домой, а «езжай» домой, а?.. – усмехнулась Ингрид. – Глупый *мачо*! Понаехали тут со своими законами. Ревновать вздумал, еще чего не хватает!.. Ты ему не уступай ни за что. Подумаешь, ревнует!.. Ну и пусть, полезно для здоровья! – И Ингрид громко прихлопнула по столу своей узкой ладонью.

Я, обиженно хмурясь, вспоминала еще:

– Или вот, недавно совсем, начал он меня пугать: ты, говорит, своим поведением будешь всех мужчин от себя отпугивать, они боятся высоких независимых амазонок вроде тебя. А нам с ним якобы только потому хорошо, что он меня раскусил и знает, как со мной надо обращаться. А любой другой, новый, давно бы не выдержал. А что я такого делаю?.. Пугает: ты, мол, с твоим ростом теряешь пятьдесят процентов мужчин, для тебя остаются одни только тупые баскетболисты, а главные мужики – это среднего роста.

– Это, положим, похоже на правду. Коротышки нас боятся. Смотрят, хотят подойти, но не решаются. Ты же сама знаешь, – ответила Ингрид.

– Ах, это совсем не потому, что мы высокие, а потому, что мы в Германии! – засмеялась я. – Вон в Италии со мной такие коротышки заигрывали, что смешно становилось.

– Да ну их совсем! Все они – насильники. Дай им власть, так они любую женщину до сумасшествия доведут своими прихотями. Заставляют делать только то, что им приятно, во всем доминировать хотят. Кстати, интересная статья попала мне недавно. О том, как эмансипация влияет на секс, – сообщила Ингрид, прикуривая от свечи и значительно поглядывая на меня.

– Как?

– А так, что раньше женщины были темные и забытые и ничего, кроме миссионерской позы, не знали, а теперь, с расцветом культуры, видео и массмедиа, сами все знают и могут диктовать мужчинам свою волю. Не дурочки уже!.. И если раньше бедная женщина думала, как бы скорей мужик получил свое и оставил бы ее в покое, то теперь думает, как бы самой получить свое, а он уж как-нибудь пусть сам себе... В этом и суть секс-революции.

Видя, что я кисло отмалчиваюсь, Ингрид сказала:

– Знаешь, нечего тебе грустить. Давай я познакомлю тебя с одним хорошим парнем?.. Курт зовут. Тебе надо развеяться.

Я покачала головой, но Ингрид тронула мою руку своей узкой ладонью в перчатке:

– Парень хороший, видный, с фигурой. Я такой экземпляр себе бы оставила, да не могу уже: мне моих двоих хватает, не знаю, как их на неделе распределить. Надоели уже!

– Как ты их называешь? – прыснула я, вспоминая прозвища, которые Ингрид дала своим двум любовникам. – Ебун и дрочун?

– Ебун и лизун. Что кому больше нравится, – засмеялась Ингрид, но потом опять посерьезнела: – Тебе сейчас нужна поддержка. Тебе надо переключиться на кого-нибудь – и все. Что-нибудь новенькое... Лекарство от любви. В субботу пойдем на диско, он тоже там будет.

– Кто это – он? – спросила я по инерции, а эхом отозвалось: «Не обязательно, но и не исключено...». И от этого стало приятно на душе, как всегда, когда во мне шевелился огонек власти, когда я чувствовала, что могу заполучить любого, кого пожелаю: захочу – заставлю быть со мной, не захочу – не подпущу.

– Да этот Курт. Я думаю, с ним тебе будет неплохо. Интересный парень. Химик. Еще студент, а уже на BASF'е практику сделал. И деньги, кстати, имеет, не то что твой *нищий*. И, главное, немец, своя кровь – хоть из бывшей ГДР, правда. Веселый, высокий, общительный, что еще надо?.. По мне – так у мужчины должны быть большие руки, густой голос и толстый член – и все! – Ингрид прихлопнула сумкой по столу так, что официант мотнул головой от неожиданности, а парни за соседним столом замерли. – Да что ты думаешь, твой *зверь* сейчас один сидит? Небось привел к себе кого-нибудь. А ну позвони, узнай, где он. И если он хочет ссориться – то и ты не будь душой, своих позиций не сдавай, нет – так нет, и все, чао, мио Гю!..

– Тебе легко рассуждать со стороны.

– Ты что, любишь его, что ли? – презрительно сморщилась Ингрид. – Вот от этой глупости и все несчастья идут! Держи себя в руках!

– Зачем?

– Как зачем? Чтобы быть свободной!

– Но ведь любовь – это свобода? – нерешительно возразила я.

– Что? – взвилась Ингрид. – Любовь?.. Да это для нас самое губительное – любовь!.. Тут-то ты и в капкане, как мышь на сыр попалась! Любовь – это тюрьма, и больше ничего!

– Вот и он так говорит, – вспомнила я.

– Он вообще неплохой парень, если б не действовал на нервы. Вообще-то, конечно, мужик должен быть немного мачо, но не такой злостный, как он. Пожалуй-ста, счет!

На улице мы привычно пошли в ногу, пересмеиваясь и вполголоса обсуждая «фактуру», что попадалось по пути.

– Не пора ли нам развлечься? – спросила Ингрид, искоса поглядывая на меня.

– Мы давно никуда не ездили, милочка.

– Нет настроения.

– А вот это тоже неправильно: надо начать, а потом и появится. Аппетит, сама знаешь, когда приходит.

Иногда мы устраивали себе разрядки – ехали вдвоем на ночь в какой-нибудь большой город, шли куда-нибудь на диско, кокетничали, флиртовали, веселились. Бывало, доходило и до постели. Удовольствия большого я не получала, но Ингрид утверждала, что такие вылазки идут только на пользу – лишь о презервативах не забывать, а я больше молчала, вспоминая бабушку, которая учила не только честности, но и гордости.

И сколько бы Ингрид ни доказывала, с синим блеском в глазах, что эти встряски полезны для души и в особенности для тела и с гордостью ничего общего не имеют, я чувствовала смутную вину. Это прилипчивое ощущение отклеивалось долго и медленно, исчезало постепенно, через несколько дней, во время которых я затихала на работе, а дома не брала трубку, слушала музыку и старалась не думать ни о чем.

Чаще всего эти одноразовые встречи проходили глупо, суетливо и бестолково (хотя бывали иногда и сильные ощущения). Во время этих вылазок я одновременно и трусила немного, и испытывала любопытство, как все произойдет. Однако явно чувствовала при этом, что партнеры на одну ночь относятся ко мне без осо-

бого уважения. Да и за что уважать?.. Они, очевидно, думают, что они меня выбирают, а на самом деле это я – их.

Но все это действовало на нервы. Я не раз давала себе слово больше с Ингрид не ездить, но та улещивала, умащивала, и все повторялось вновь. И после всего этого так комичны глупые претензии *варвара* – где была и что делала. Если б он знал всю правду!..

На что он вообще рассчитывает? Я не его жена и замуж пока не собираюсь, – неприязненно думала я, вышагивая рядом с Ингрид и ловя на себе взгляды мужчин – то быстрые и скрытные, то наглые и откровенные. – Никто ничего никому не должен. И никто не обязан давать отчеты. И неправа Ингрид, призывающая умалчивать и скрывать. Зачем?.. Лучше сразу все ставить на свои места. Мы же условились с ним, что мы – свободные люди и честно говорим друг другу обо всем. Чтобы не лгать, не юлить, не обманывать и в дурацкой роли не выступать. Он, конечно, обо всех своих историях молчит, как рыба на допросе, хотя я точно знаю от общих знакомых, что у него были женщины в мое отсутствие (а может, и при мне). Но я сама никогда не ревную – еще чего не хватало, я даже не знаю, что это такое – ревность. Я эту глупость никогда не испытывала, это ниже меня. Может, я эгоистка? *Зверь* ругает меня иногда за эгоизм и называет *носозадиралкой*... Нет, как это он говорил: носодерка?.. Носозадирка?.. Носозадралка? Это от глагола *задирать-задрать*, но вот от какого из них?.. А, всё равно... А кто он сам, если не самый большой эгоист?.. И пусть он вообще покажет какого-нибудь не эгоиста, есть ли такие на свете?..

Ингрид начала тянуть в Клуб № 1, там сегодня что-то должно быть, но я устала: побаливала спина, кружилась голова, я плохо себя чувствовала перед месячной напастью и упростила Ингрид оставить меня в покое и отвезти домой.

– Дурочка! – сказала она и неожиданно поцеловала меня в губы долгим поцелуем, чего я терпеть не могла.

4

От трамвая он плелся по слякоти, а душа его была перемещена куда-то в иные дали. Открывая дверь, он услышал звонки телефона, бросился внутрь, но не успел. «Она?»

Он плюхнулся в кресло. Покосился на телефон.

Нет, сейчас он будет умнее. Когда ее любовники докатились уже до порога, надо взять себя в руки и избавиться от ведьмы! – думал он, без интереса разглядывая доску, на которой была выложена мозаика из камешков, залитых эпоксидной смолой. Это были стены крепости. За ними должна была появиться башня из алюминиевых брусочков, собранных однажды на свалке. Где-то в дальнем ящике за шкафом они должны быть.

Но как же бросить её?.. Он попытался вспомнить что-нибудь злое и смешное о ней, но, как назло, вспоминал, как дрожат ее веки и пальцы бегают по одеялу. Хотел думать: «Высокомерная дура!» – а видел свечу, и волосы распущены по плечам, а сама похожа на фею... Ведьма?.. Фея?.. Где ты сейчас?..

Уложив доску на пол, он стал класть на неё брусочки и двигать их так и этак, чтобы поймать контуры башни.

Потом, почему-то воровато оглянувшись на дверь, быстрым движением сорвал трубку и набрал номер. Голос бы услышать... Но никто не ответил. Он посмотрел на часы. Было далеко за полночь. Он беспомощно опустил руки, почувствовав отвращение к самому себе. Опять темные мыслишки закопошились в нем: «Задуть гадину – и всё. Избавлюсь от ведьмы. Дадут лет шесть... Тут много не дают... А еще лучше – неосторожный случай, упала на голову ваза... У нее есть одна та-

кая, из Франции привезена, где она с этим, обезьяной из Габона... Нет, ее следует помучить перед смертью, всё ей напомнить, все унижения и обиды, что терпел от нее...»

Вдруг один брусочек впился ему в палец. Закапала кровь на доску. Он тряпкой зажал руку и туло смотрел, как кровь втапливается в свежий клей. Отнял тряпку и стал держать руку над холстом. По пальцу потекла красная струйка крови. На доске закружились, завихрились красные прожилки.

Тут внезапно озарило:

«Зародыш любви – вот что надо убить. Эмбрион уничтожить! Как это доктора говорят – извлечь причину несчастий и удалить. Причина – любовь. Значит, аборт души».

Он должен ее бросить. Бросить. Вырвать. Выбросить. Это и есть выход. Вырвать из души. И самому оторваться душой. Отплатить той же монетой. А любовь перенести в другой сосуд, в другую женщину. Недаром говорят, что у мужчины должно быть хотя бы две женщины: здесь оскудеет – там зачерпнешь, здесь замутится – там чистого напьешься.

Любовь – в мусорный ящик. Горечь и желчь постепенно утекут, не могут не утечь – уже бывало, она не первая, с кем приходилось испивать чашу до дна. Поэтому пить ее надо спокойно, с максимальным выигрышем. А потом, когда время наложит свои повязки, можно будет со злорадством и насмешкой вспоминать эти смехотворно-глупые мучения. Но тогда он уже будет свободен от этой напасти, немочи...

Он взял палочку и принялся ковыряться в клее. Кладка стен побурела, пожухла под кровью, застывшей в клее причудливыми струйками.

«Абсурд! Как любовь может быть напастью?.. И как же тогда слова Варази о том, что художник должен всё любить?»

Авто Варази, уже в делирии, в глубоком делирии, в голой квартире, где ничего не было, кроме столика, шатких стульев, мольберта с засохшими красками, сидя по-турецки на грязном лежбище, говорил им, студентам Академии:

«Художник, если он еще не подох, должен всегда что-нибудь любить. Всё время и всегда! Солнце, женщин, реки, собак, краски, кусок хлеба, курицу, чайник – но любить! Если художник не любит – он мертв. Любящий отдает – все остальные только берут!..»

Жил он один, без семьи. Последние годы пил, ничего не рисовал, только изредка складывал предметы в странные кучки. В его квартире надо было быть осторожным – любой ботинок, тряпка или черепок мог оказаться заготовкой к объекту. Студенты приносили ему еду и вино.

«Бабу рисуешь – влюбись в нее! Пейзаж пишешь – его люби! Чайник рисуешь – чайник люби!»

«А как надо: нарисовать чайник и потом полюбить, или, наоборот, вначале полюбить, а потом нарисовать?» – дурачились они, мигая на закоптелый объект споров (другой утвари в квартире уже не было – последняя сковородка с написанной на ней глазуньей была прибита к стене).

«О!.. Глупцы!.. Юнцы!.. – закрывался Авто ладонью, как от яркого света. – Конечно, вначале полюбить – а потом рисовать!»

«Тогда надо всё любить. Мы же все рисуем?» – не сдавались они.

«Конечно, всё. А как же иначе? – удивлялся он, глядя на них, как на помешанных, и указывая длинным пальцем на хлеб, колбасу и пустые бутылки. – Любить – это главное! Христос любил всех! И пил в Кане вино. И хлеб ел с бродягами! Вот вино, а вот хлеб! Даже если ты Тициан – без любви куска хлеба

не напишешь!..» – И он показывал нам большой кукиш, челюсть тряслась, а из бездонных глаз капали слезы.

Со слезящимися глазами, в драных «семейных» трусах, он просил принести еще пару бутылок, и мы по очереди бегали в лавку, где продавец Гивия, зная, для кого вино, выставлял запотевшие бутылки из огромного стального холодильника, похожего на морозилку в море. Иногда он добавлял от себя сыр, колбасу или «кильку в томате», говоря при этом:

– Святому человеку несете! Только пусть ест!.. А то он пьет и не закусывает. Нехорошо!

...А какая с *толстенькой дурочкой* долгая игра была вначале!.. Эту игру знают все. Тихие касания рук, тепло кожи, запах духов, как бы случайные взгляды, душистые волосы... Это теперь у нее французская блядская прическа, а раньше были локоны... Во Франции срезала. Французы проклятые!.. Вряд ли теперь она так долго будет сидеть рядом с мужчиной!.. А тогда ведь они сидели – два месяца без постели... А почему он не делал первый шаг?.. А в этом деле всё опасно: недосидеть – пропасть, пересидеть – пропасть. И, наверно, то, что тогда, в два месяца, по капле копилось и собиралось, обрастало плотью грёз – оно и действует теперь так сильно, держит уже несколько лет.

Припомнилось, как она попросила его как-то помочь разобраться с названиями животных по-русски. Как большой друг зверей она аккуратно вписывала в особый словарь названия трав и зверей, и не могла понять, почему нет слова «слоночка», когда есть слова «козочка» и «телочка»?.. И как правильно: «слонец», «слоновка», «слонишко», «слончик» или «слоница»?.. И узнав, что таких слов нет, расстроилась. Она во всем хотела быть перфектна. Это немецкий главный пункт. Перфекцион и прецизион, то бишь совершенство и точность.

Он подтрунивал над ней: *толстыш, круглыш, пухленыш*, и ей нравились эти слова, она повторяла их, дрожа полуприкрытыми ресницами... даже сейчас слышен их шорох и шелест... Это сейчас она такая наглая и заносчивая, а раньше была другая...

Сколько можно прощать?.. Нет уж, довольно!.. Да и в тюрьме тут сидеть не страшно... Вон, рассказывают, тюрьма тут – это светлое красивое здание, решетки ажурные, камеры вроде квартир с душем, телевизором и едой. Двери камер открыты, все своими делами занимаются: читают, играют в игры, видео смотрят, душ принимают; некоторые с утра вниз бегут, в общий зал, где шахматы, шашки и пинг-понг. Или в спортзале качаются. Библиотека, компьютеры, волейбольная площадка. После обеда – отдых, тихий час, потом время телевизора, карт, домино и футбола подходит. Телефоны у всех стоят. Многие на уикенд домой уезжают. А кто хочет, на месте свидания получать может.

«Сон Веры Павловны», словом... Его еще мой дед рисовал и Сталинскую премию получил», – усмехнулся он, наклоня доску так и этак, чтобы кровь могла растечься по поверхности.

Этот огромный, величиной во всю стену, холст в золоченой раме долгое время стоял в мастерской. На картине была изображена конструкция, похожая на арену с ажурными стенами из балок. Отовсюду светили прожекторы, как в цирке. Хрустальный дворец был виден насквозь. Внизу темнела арена, усеянная светящимися точками людей. И не удивительно, что Сталин, усмехаясь в усы, сказал деду на банкете по случаю вручения премий: «Kidev kargi, klounad rom ar damxate!»³, – но жить оставил и даже никуда не сослал.

³ Хорошо, что меня клоуном не нарисовал! (груз.)

И дед рассказывал об этом шепотом при закрытых окнах, добавляя каждый раз: «Вот какой человек был!..» – а на детские вопросы, какая была собачка у клоуна, значительно отвечал: «Очень красивая. И не одна».

«Такое прощать нельзя. *Гадину* надо убить!.. Лет пять отсидеть – одно удовольствие, – убеждал он себя. – Люди и по двадцать пять в Сибири выдерживали. Зато избавлюсь от кошмара...»

Мысли так сплетались между собой, что было уже не различить, чего же он хочет: бросить ее, убить или тотчас же увидеть и услышать. Он сам не понимал себя, был как клубок боли.

Вдруг одна из досок со странным стуком выпала из угла. Это был «Бес». Он поднял ее, хотел поставить его на место, но вместо этого вытащил поближе к свету и стал рассматривать глазницы. Отчего-то клей потрескался, стал осыпаться. Проступили непонятные круги и знаки. Ничего этого не было. Он принялся ножом соскабливать высохший клей с шариков-фасеток.

Тут позвонила из Тбилиси мать. Услышав его голос, она всполошилась и стала спрашивать, в чем дело: не пьет ли он, тепло ли одет и чем вообще занят.

– Мама, ты задаешь эти вопросы вот уже скоро сорок лет, – ответил он. – Здоров, одет тепло и занят поисками смысла жизни. Без бутылки. Как дома?

– Ты получил наше письмо?.. С тех пор мало что изменилось. О бытовых мерзостях говорить не хочу, надоело. Телефон по-прежнему работает плохо: то включают, то выключают. Но, в общем, жизнь как-то налаживается. Отец ничего, ходит пешком в институт и ругается. Бабушке на те деньги, которые ты прислал в последний раз, сделали новые челюсти, так что теперь она может нормально есть...

– Было бы что, – услышал он реплику отца и попросил:

– Дай ему трубку.

– Он занят, готовит свою знаменитую яичницу с сыром.

Потом мама коротко рассказала городские новости: те умерли, эти уехали, те развелись, а у кого-то бешеный пес так искусал сына, что тот взбесился в прямом смысле и родители были вынуждены посадить его в подвал на цепь, потому что психиатрическая больница закрыта на ремонт, а часть её сдали под закусочную.

Потом он услышал, как отец спросил, не собирается ли их сын порадовать европейские столицы новым вернисажем? И с кем он чаще общается – с музой или с натурщицами?

Он хотел что-то ответить, но услышал звонок в дверь. Мама сказала:

– Всё, пошла открывать, дядя Ларик пришел! – и заспешила, прощаясь.

Всё поехало в его душе. Родные голоса, дядя Ларик, яичница с сулугуни, бряцание вилок и тарелок, солнце за окном, друзья во дворе, жизнь впереди...

Вдруг жутко, до боли в ушах, захотелось домой, в комнаты, где летом прохладно, а зимой тепло, где мерцают книги на полках, где пышные занавеси колышутся у окон. И цветы в вазах. И звуки итальянских опер из отцовского кабинета... И крики разносчиков с улицы...

«Что мне тут делать?.. Зачем я тут?.. Умирать в одиночестве, около шлюх и немцев?..» – думал он, уставившись в размытые глазницы «Беса» и представляя себе надменные, чванные, брюзгливые, презрительно-злые очкастые лица немцев. А одиночество уже спешно укутывало его своим молчаливым покрывалом.

Гости!.. Человеческий обед!.. Дядя Ларик!.. Бывший спортсмен, затем майор МВД, а ныне – директор винзавода, щит и меч семьи, защитник, добытчик и даже могильщик!.. С ним необходимо было обговаривать все житейские проблемы и мирские дела, ибо лучше него никто не знал, где достать финские обои и чешский кафель, икру к именинам и бандаж для бабушки; с одинаковым почтением

его приветствовали мясники на Дезертирке⁴ и нищие на Кукия⁵. Никто лучше него не мог ответить, почему газовые плиты и кто в горсовете заведует квартирным вопросом; сколько дать в лапу управдому и где найти приличных маляров; что подарить ректору с просьбой о каком-нибудь балбесе и сколько берут за урок пения; где проживает бальзамировщик и как отвязаться от военкомата; сколько стоит осетрина у бакинских проводников и как решить вечный вопрос текущего бачка. Двухметрового роста, лысый с юности, он пятерней поднимал с земли баскетбольный мяч. А женщины украдкой разглядывали его, тщетно тая в глазах немой, но жгучий вопрос.

Если бы не дядя Ларик, родители замерзли бы в нетопленной квартире: он привел трубочиста и даже разыскал где-то столетнего печника, чтобы тот восстановил стенную печь; старик пришел в сапогах и тулупе, долго и осоловело осматривал печь, но привел ее в порядок, за что и получил от дяди Ларика полпоросенка и бутылку вина (другую половину и бутылку получил трубочист).

Всю эту ерунду с перестройкой дядя Ларик очень не одобрял – раньше деньги приносили в конвертах, а теперь приходится якшаться со всякими сопляками; раньше все его боялись – еще бы, комендант всего громадного корпуса МВД-КГБ с подвалами и тюрьмой, в высоких коридорах которого даже он казался среднего роста, хотя в его лапищах автомат Калашникова выглядел пистолетом Макарова.

«Ибиомать! – сердился он. – Раньше хоть в Москву на пару дней слетать можно было, в ресторанах покутить, девочек пощупать, а тут бензина нет, самолеты не летают, поезда не ходят, машины не ездят и денег нет!.. На хер кому такая перестройка сдалась?..»

Кстати, как раз дядя Ларик за мужским столом, когда обсуждалась чья-то измена, сказал:

«За все отвечает мужчина. Женщину всегда можно совратить, почти любую, почти всегда – они пол слабый. А вот мужчина должен знать, что можно делать, а что – нельзя. С бабы спросу мало, спрос с мужика».

...Мысли о прошлом мешались с мыслями о настоящем. Он понуро сидел на кровати, слушая, как за стеной сосед-негр, доктор Джимон Мукумба, поет свою вечернюю молитву. Сегодня он разошелся не на шутку.

Казалось бы – цивилизованный человек, днем в очках и галстук, а вечерами такие рулады выводит, что жутко становится. Иногда, не переставая петь, он шел со сковородкой в кухню и там продолжал свои арии, а потом нес оттуда какую-то свою еду, после которой никакими сквозняками невозможно было проветрить кухню и холл. Не раз он жарил рыбные консервы и селедку, что было совсем невыносимо.

Много раз хотелось отселиться от него, но все не было времени, а главное – денег. Приходилось делить двухкомнатную квартиру с Мукумбой.

«Что мне здесь, с неграми и ведьмами?.. А что там, без работы и денег?..» – опять засвербило в голове, и он полез за снотворным, которое пил все чаще.

5

10 декабря 1996

Днем я ехала в гости к Ингрид и из трамвая видела зверя – он шел один, смотрел под ноги. Мне стало жаль его. Но он не звонит. Если хочет поссориться по настоящему – пусть скажет прямо, тогда я буду знать, что мне делать...

⁴ Центральный рынок в Тбилиси

⁵ Кладбище в Тбилиси

Я вынула из ушей микрофончики и сменила кассету. В трамвае все сидели чинно и молча, только сзади громко болтали смуглые ребята южного типа, испанцы или итальянцы, отчего по лицам наших завитых старушек пробежали облачка, а в глазах мерцало осуждение. Мне шум в трамваях тоже не особо нравится, но я не позволяю себе думать по-расистски. Другой менталитет, другая культура. А сама я разве не орала в Испании на корриде?.. Так у них принято. *Зверь* вот тоже часто орет без повода, хоть на словах и утверждает, что вести себя человек должен достойно, не шуметь и не выделяться, свою персону не выпячивать, не целоваться у всех на виду, не обниматься при людях. Ну да, он тоже из Мачоланда. И волосатый. Весь в шерсти, как моя любимая игрушка песик Белло.

Да, у нас бывали веселые хорошие встречи. А бывали и очень тяжелые, трудные. Вот как месяца два назад.

Варвар принес тогда бутылку дешевого коньяка, сказал, что выпьет половину, а другую оставит на следующий раз. Вначале все шло хорошо, он действительно спрятал бутылку, и разок мы успели побывать в постели. Но потом он начал шастать в ванную, прикладываясь каждый раз по пути к проклятому коньяку и, наконец, привязался к тому, почему у меня всегда открыта дверь в ванную – в нормальных домах дверь в ванную и туалет обычно закрыта, и на то это и туалетная комната, чтобы человек мог привести себя в порядок, и пусть она не понимает его неправильно, он не против того, чтобы трахаться в ванной, но зачем дверь должна всегда стоять открытой?..

«Объясни мне, – говорил он, – ты держишь дверь туда открытой из политических соображений?.. Дескать, у нас демократия, скрывать нечего, смотрите, если хотите?.. Или из социальных?.. Мол, вот какая я зеленая и экологически чистая, близка к природе, жизнь на лужайке, все общее, все люди – братья? Или из жизненных – мол, пусть проветривается?..»

Вот *дурак!*.. Сначала я попыталась резонно объяснить, что мне это не мешает, что я вообще не люблю закрытых дверей, что у нас дома все двери всегда открыты. Но по его голосу (он слонялся из угла в угол) я поняла, что он пьян и возбужден; но, тем не менее, попыталась дообъяснить, что ванная – такая же комната, как и все другие, и если ему это мешает, то пусть он и закрывает. Что за проблема?

Это почему-то взбесило его еще больше. Он сказал, что ему ничего не мешает, но, советуя так, я тем самым ставлю человека в глупое положение: если никто дверь не закрывает, а он вдруг закрыл, то, значит, тут что-то не так. Уже рассердившись, я сообщила, что у нас был старый дом с одним туалетом (и ванной), и бывало не раз, что я принимала ванну, а отец, торопясь, заходил по своим делам.

«И один раз как-то даже по-большому!» – добавила я не без гордости, на что он завопил:

«Это же дикость – какать при дочери! Да такого отца убить мало!..»

И уже никакие мои аргументы о том, что надо спокойнее смотреть на такие вещи, не подействовали; качаясь и налетая на мебель, он кое-как оделся и в ярости ушел, крича с лестницы:

«Да у вас всех крыша едет! И это цивилизация! Срать при дочери!.. Очень демократично!..»

А я долго плакала потом, обиженная и взбешенная. И со злости чуть не согласилась поехать с Ингрид в Карлсруэ, в подпольный публичный дом для женщин, где молодые ребята обслуживают по высшему разряду: «И недорого, и ничего не подхватишь, и времени на болтовню и всякие ля-ля-ля тратить не приходится, – скрупулезно перечисляла она достоинства мужского борделя. – Мы в нашем клубе давно подумываем сделать такой же у нас. Безработных негров и всяких балканцев навалом, а все наши бабы озверели без нормального секса. Кто пятьдесят марок не выложит?.. Главное – дискретность!»

Если бы я еще рассказала *варвару*, что иногда, подолгу сидя на унитазе, читаю и даже пишу, он бы, наверно, окончательно посчитал меня чокнутой. Но если это мне нравится?.. И в детстве я так же сидела, и читала, и даже делала уроки, а папа приносил мне яблоки и печенье. И дверь всегда стояла открытой, и никогда это никого не волновало, только бабушка иногда становилась в проеме, поджимала губы и говорила:

«Геморрой наживешь! В наше время так никто не сидел!»

В ваше не сидели – а в наше сидят. Вот так.

И чего он тогда так взорвался из-за этой дурацкой ванной?.. Как будто сам не тащит меня все время туда, к зеркалу?.. И сердится, когда я устаю стоять у раковины, где руки скользят, полки дрожат, щетки летят, а кран впивается в плечо... И это долго, долго, и ноги уже не держат, и плакать хочется, а конца все нет. Два раза кончила – так нет, давай третий!.. Три раза кончила – нет, четвертый подавай!.. Сам-то он по два часа не кончает. А я человек, а не порнослайд!.. Да, хорошо, да, приятно, но если уже больше не могу, если тошнит и болит, то какая же тогда радость от этого?.. А если не хочу – то и не могу, и не буду, это же ясно и логично!.. Так нет же, давай – и все. *Доминант!*.. Конечно, выпьет водки или коньяка, ему что – как под наркозом, а мне терпеть. Хватит, надоело!..

Недавно опять был большой скандал из-за алкоголя. Я сказала ему, чтобы пьяным он не приходил, что пьяного я его ненавижу, что мне неинтересно, грубо и больно, и что если бы он себя со стороны увидел – то понял бы, что я имею в виду. К тому же у меня такое впечатление, что когда он пьян, то ему вообще все равно, кто с ним в постели, я или другая. Начались выяснения – что такое «пьяный» и что такое «выпивший»?.. И где кончается «выпивший, веселый, хороший» и начинается «пьяный, противный, злой»?.. Он заявил, что не мне его учить, что он всегда, когда шел к женщине, брал с собой бутылку, и нечего тут новые порядки заводить. Ницше, мол, советовал кнут брать, а он без кнута, но с бутылкой.

Потом помирились и сошлись на том, что больше 200 грамм он пить не будет. По-алкоголическому – «чекушка». И он, в общем-то, держался этого правила. Иногда, правда, украдкой приносил вторую, но не пил уже разом, как раньше, а растягивал – ведь наши встречи обычно длятся подолгу, если без скандала. Когда недавно Ингрид спросила с язвительной улыбкой, чем это мы занимаемся столько времени – обычным людям хватает намного меньше, – я и не знала, что ответить. И когда Ингрид пристала, сколько у нас конкретно длится это дело, то я ответила: «А оно не прекращается».

«Как так?» – изумленно поднялись антенны глаз, но я промолчала: слишком многое пришлось бы объяснять и говорить о таких вещах, о которых ни с кем не хочется делиться, даже с Доротеей, подругой детства.

К счастью, не все наши встречи кончались ссорой – бывали дивные ночи и долгие дни, когда мы лежали в ярком солнце, горячие и разморенные, и простыни были нагреты, как песок пляжа. Часами болтали о разных вещах, часто о всякой ерунде. Нам всегда было интересно вдвоем. Да, можно понять, почему говорят, что любовь проходит тогда, когда не о чем говорить...

После ссор я никогда не делала первых шагов, считая это недостойным, но встречи после ссор бывали самыми приятными – со слезами и объятиями. *Зверь* мог быть необычайно нежен, целовал без устали, я нутром ощущала его, и он так же хорошо угадывал мой готовящийся обвал. И никто, кроме него, не был в силах заставить меня тут же двигаться дальше, удерживаться на горячем плаву, где надо хватать воздух и царапать матрас, чтобы не умереть... А его поцелуи, тягучие и безразмерные, обволакивающие до обмороков?.. Так у нас никто не целуется.

Сам *варвар* уверен, что поцелуй куда важнее, чем все остальное: целуешь душу, а секс делаешь с телом.

Это всё было так притягательно, как ни с кем другим, за что я и привязана к нему. Но никто не должен знать об этом. А он – в первую очередь. Такой уж у меня характер. А короткие интрижки?.. Игра. Есть бабочки-однодневки, есть мужчины-одноночки. Они успокаивают, развлекают. И если в наших встречах со *зверем* он всегда был доминантом, то в моих интрижках я властвовала безраздельно, что было приятно и интересно.

Но за таким хорошим днем вполне могла последовать зловещая пьяная ночь, когда я, окаменев, должна была трястись от страха, а он бегал по комнате или же сидел в темноте, как изваяние. Причины могли быть разные, но чаще всего связаны с ревностью: или кто-то мне звонил в неурочное время и я слишком долго говорила по-французски (которого *зверь* не знает), или я сама о чем-то сбалтывала сдуру, или он что-то у меня выпытывал, а потом грыз и изводил, как строгая бабушка, дурацкими наставлениями, отчего становился нелеп и смешон.

Может быть, у него просто большое воображение, как у всякого художника?.. Или же все они, мужчины, такие собственники?.. Только одни скрывают это, а другие показывают?.. Кто их разберет!

Значит, он хочет со мной поссориться!.. А я, как дура, должна сидеть и ждать, поссорится он или нет?.. Я не объект для опытов, пусть не надеется!.. Здесь не дикий Восток, где женщин на цепи держат!.. Ну и вот. Права Ингрид, когда ругает мужчин: эгоисты и себялюбцы, больше ничего! И назло ему пойду сегодня с Ингрид! И познакомлюсь с кем-нибудь. Почему нет? И не дам никому командовать собой! Принципы сохранять – самое важное.

А главный принцип тот, чтобы после ссор первой не звонить. Я так и делала, хотя попыток примирения не отклоняла: я же никогда не бывала на него обижена, это он постоянно на меня дуется! Но я тоже от любой мелочи могу затаиться, как черепаха. *Мраморная женщина* – называет он меня тогда. Да, я каменею в обиде, сию же секунду шевелиюсь и сквозь дрему слежу, как он вздыхает, ходит по комнате, допивает, докуривает и уходит.

И мне пора выходить.

Дом Ингрид виден издали. Вон он. И почему она, интересно, сегодня одна?.. Куда делся её муж, её «домашнее животное», как она ласково называет его?

Мы с Ингрид познакомились в университете и довольно часто встречаемся, хотя я и подозреваю, что она лесбиянка. Но она об этом никогда не говорила, с удовольствием жила с мужчинами (и не с одним) и до сих пор попыток сближения не делала. Впрочем, один раз пришлось после диско ночевать в одной постели, и она очень уж часто раскидывалась во сне, ее пальцы слишком уж осмысленно касались моих бедер, а её соски под ночной рубашкой набухли так, что были видны даже в свете уличного фонаря. Я тогда отодвинулась. Касания женских рук мне неприятны.

Вообще до тех пор, пока у меня не было бюста, мужчины на меня не смотрели. Но за один только год (мне было четырнадцать) грудь моя вдруг налилась. Тут я стала ловить на себе взгляды – на улице от прохожих, в школе от учителей, дома от друзей семьи, и даже отец, часто поглядывая на мой бюст, как бы в шутку ощущивал его и, охая, удивлялся его величине. Вначале эти взгляды оскорбляли меня, я вспыхивала, уходила в себя, плакала, «пехота, держись!» не помогало.

Потом сама стала поглядывать в глаза этим существам. И, наконец, стала смотреть первой, и мужчины уже не выдерживают моего взгляда, отводят глаза. Рослая, высокая, я на многих из них смотрю сверху вниз, что им, конечно, не нравится, а мне приятно приводить их в замешательство. Но самое щемяще-сладкое ощущение

ние – от того, что я могу переспать с каждым, с кем захочу. Ну, со многими... Это моя власть! Они застенчивы и трусливы (особенно немцы), но если сама дашь знак, намек – то понимают. Не все, конечно, но многие...

Ингрид встретила меня в новом кимоно, купленном в Осаке, куда она ездила с одним из своих любовников.

– Домашнее Животное уехало на пару дней в Берлин, а мне скучно. Выпьем кофе, а потом в ресторан сходим, я приглашаю. Пока я кофе заварю, взгляни там, на столике, есть журнал с хорошей статьей... Да-да, на ней и открыт. Мы в клубе читали. Нашла? *«Советы бывалой женщины»* называется. Читай вслух, что умные бабы говорят. Мы в клубе хотим на стену повесить.

– *«Никогда не признавай за собой вины»*, – прочла я. – Ну, я и не признаю.

– Нет, ты-то как раз и признаешь. Никого, ничего, нигде, никогда. Нет – и точка.

– *«Не делай из страданий культа»*.

– Вот-вот, значит, если с мужиком поссорилась – меньше переживать, быстрее забыть и идти дальше. Ясно тебе, дурочка?.. – потрясла Ингрид у меня перед лицом накрашенными ногтями и вырвала журнал: – Давай я сама... *«Живи сегодняшним, забудь о будущем и прошедшем»*. Это вот не совсем правильно, вперед надо все-таки смотреть... Ну а вчерашнее – конечно, забыть. Зачем оно?.. Хлам, мусор... *«Делай то, чего боишься, храбрость приходит со временем»*. ... И меньше болтай, а больше слушай.

– Не всегда получается, – призналась я.

– Нет, ты должна всюду со своей правдой влезть, тоже мне Мартин Лютер нашлась: стою на этом и не могу иначе!.. – фыркнула Ингрид. – Ну, дальше. *«Чаще занимайся сексом нараспашку с незнакомцами – это придает уверенность и силы»*. Это точно. Давно, кстати, не освежались. Секс нараспашку – как тебе нравится выражение?

– Знаешь, мне кажется, что во время этих внезапных сексов мужчины нас презирают. Тебе нет? – со вздохом сказала я ей.

– А тебе не плевать? Они и так нас всех шлюхами считают, так не все ли равно?.. Знаешь, как один мне объяснил, почему это так?.. Из десяти женщин, говорит, три или четыре – бляди, но никто не знает, кто именно эти четыре, и поэтому подозревают всех десятерых. Да пошли они все к дьяволу, лишь бы драли нас хорошо – больше от них ничего не требуется. А не будут хорошо драть – мы и без их помощи обойдемся!.. – добавила с намеком и нажимом. – Вот какие сейчас новые вещи есть: strapon, фистинг амаланги, викхарита, пенилинкция, анус-ректум, нарвасадата, доггерство!.. Ну, поехали дальше. *«Делай только то, что тебе полезно»*. Это правильно, если сама о себе не подумаешь – никто не подумает! Им только кусок твоего мяса нужен – и больше ничего! Ну, и мы будем их использовать. Хватит, натерпелись за сорок веков, теперь наше время пришло. *«Не будь ковриком, о который вытирают ноги»*. Ни ковриком, ни половой тряпкой, ни персидским ковром! *«Помни: умная измена не оставляет следов»*. Это нам известно.

– В душе оставляет, совестно как-то бывает потом, – возразила я.

Ингрид выпучилась на меня:

– Да брось ты эту ерунду – совесть, душа! Совесть должна быть гибкой! Начиталась романтизма! Знаешь, что я тебе скажу? Наша бабья душа лежит глубоко и далеко, сама знаешь, где. Кто дотянется – молодец, душу нашу затронет, а не дотянется – тут уж извини, твои проблемы. Дальше. *«Брачные узы так тяжелы, что порой их приходится нести втроем»*. А, каково?.. Сильно сказано!

– Даже иногда и вчетвером, – подала я голос, вспомнив, что недавно узнала от Доротей, что у моих родителей – и у отца, и у матери – есть на стороне любовница и любовник. Зачем тогда весь этот обезьяний цирк разводить?.. Потому

и не надо выходить замуж, чтоб не лгать друг другу день и ночь, не гнуть свою совесть туда-сюда... Раньше времени, по крайней мере...

– И последнее. *«Женщина, которая ведет себя как королева, становится ею рано или поздно»*. Это точно...

– А можно ли королеве заниматься сексом нараспашку? – Я представила себе даму в пышном платье, которое надо долго задирать, а рукой придерживать корону, чтобы не скатилась в навоз, пока какой-нибудь конюх вставляет ей где-нибудь на царских задворках.

– Да брось ты свои переживания! – накинулась на меня Ингрид. – Ты же, в принципе, ему верна? Даже если ты ему изменяешь, то это вовсе не предательство или измена, а только неверность, шалость, момент, счастливая секунда. Почему нет?

В этом я вполне согласна с Ингрид. Все эти мои так называемые измены с одноночками совсем не значили, что я не люблю зверя, что он меня не удовлетворяет, или что кто-то лучше него в постели, или у кого-то член больше, или еще что-нибудь в этом роде, о чем эти примитивные мужчины думают в первую очередь, когда слышат о соперниках. Нет. Просто он – это он. Но есть и другие.

Брачными цепями мы, слава богу, не опутаны, и поэтому волочить их втроем или вчетвером, с криками, скандалами, ссорами и дикой ревностью, совсем не надо. Я хочу жить как хочу и сама строить свою жизнь. И если умно и достойно жить, то никому и в голову не придет вытирать о тебя ноги. Вот так. И пусть никто не надеется, что я буду кому-то что-то прощать.

А Ингрид, закончив чтение, добавила со смехом:

– Слышала, что японцы извлекли окаменевшую сперму из мамонта, что лежал в вечной мерзлоте, и живой слонихе внедрить хотят?.. Скоро мертвых оплодотворять будут, а ты тут с пустяками – любовь, ревность!.. Проще надо смотреть на вещи и избегать стрессов, от которых морщины и запоры!.. Да, чуть не забыла рассказать: вчера такой жуткий сон видела – с ума сойдешь!.. Как будто меня насилует тигр: вошел в комнату, накинулся сзади – и давай! Я в ужасе. «Сделай ему минет, а то он сожрет всех нас!» – кричит кто-то. Ужас!.. Кошмар!.. Но было так приятно, что я во сне описалась, как ребенок!.. Так, нам пора. Обойдемся без кофе. Кстати, в ресторан, может быть, заскочит Курт.

– Какой еще Курт? – не поняла я сразу.

– Ну, тот парень, с кем я хочу тебя познакомиться. Химик.

«А, из бывшей ГДР... Нужен он мне?..» – подумала я, но все-таки отправилась к зеркалу подправить лицо.

Причесываясь и подкрашивая губы, я думала о том, почему эти глупые мужчины не могут (или не хотят) понять, что все они – разные?.. Не лучше или не хуже, а просто разные?.. По их понятиям, если женщина пошла с кем-то в кино или в кафе, то это значит, что она хочет с ним трахаться. А ей просто надоело общаться с одним и тем же и хочется поболтать с другим, вот и все. И совсем не к каждому возникает постельное чувство. Да, может случиться, а может и нет. Все зависит от обстоятельств. Не обязательно, но и не исключено. А у них что, не так?.. Неужели они хотят затащить в постель всех подряд, как утверждает Ингрид?..

Я начала наносить тушь на ресницы и заметила на полке корбочки с контактными линзами. Это новое увлечение Ингрид. Она их накупила несколько, разных цветов – зеленые, черные, синие, коричневые. Я даже встретила её как-то в городе, когда глаза у неё были ослепительно-зелеными, что невероятно ей шло. Ингрид тогда пошутила:

«Линзы, которые помогают контактам! – и пообещала отвести меня в лабораторию, где вежливый человек с приятной фамилией Веселый подберет мне глаза

любого цвета: хоть в крапинку, хоть в точку, хоть в блестку: – Очень практично. Париков закупить, глаза заменить, имя инкогнито – и делай что угодно, без всяких дурацких контролей и истерик. Никто ничего не узнает. Свободна!»

Рядом с линзами лежала пачка презервативов. Я достала оттуда парочку и сунула в сумку. У меня мои кончились, надо купить. И всегда носить с собой – на всякий случай. Даже по телевизору говорили: «Носите, дескать, с собой, если вас станут насиловать – то хотя бы от СПИДа или беременности избавитесь», – хотя вряд ли маньяк будет тебя слушаться.

Дикарь очень не любит презервативы и даже как-то тайком начал их пересчитывать в моей ванной (может, потому хотел, чтобы дверь была закрыта), а когда недосчитался, то устроил мне очередную истерику, полагая исчезнувшие резинки уликой моих измен. Мне это было смешно, но он злился, кричал, куда подевались резинки, если ты ни с кем не трахаешься?.. Пришлось соврать, что я иногда мастурбирую свечкой с презервативом. Он в это не очень поверил, но притих... Это для него оказалось аргументом. Значит, измена со свечкой – не измена?.. А какая ему разница: свечка это или чей-то член?.. Ему-то что от этого?.. Что ему, жалко, если я с кем-нибудь развлежусь?.. Я молода, мне все интересно... Для него, конечно, свечка милей, а меня это не устраивает. С какой стати?.. Зачем?..

Конечно, мужчин можно дурить как угодно, и многие так и делают. Но я жить во лжи не хочу. Как Анна Каренина. О, эту книгу я давно прочитала по настоянию бабушки. *Зверь* туманно выразился:

«В молодости сочувствуешь Вронскому, а дальше начинаешь понимать Каренина», – а я засмеялась, сказав, что дело не в этих двух, а в ней, в Анне. Это же первая эмансипированная женщина, разве не ясно? А то, что под поезд попала, так это просто несчастный случай. Думала бы меньше и под ноги смотрела лучше – вот и всё.

Ингрид одевалась в прихожей. Увидев меня, она расставила руки, стала причитать:

– И такую красавицу обижают всякие дураки! – и полезла меня обнимать, но я отпихнула её так сильно, что она, отвалившись на пальто, утробно твякнула:

– Что ты?..

– Ничего. Не до тебя.

6

Приближалось Рождество. Он не звонил ей недели две. Ночью, набрав ее номер и услышав голос, он растерялся и не успел повесить трубку.

– Привет, я просто так звоню, узнать, как у тебя дела, – выдавил он. Ему сразу показалось, что там, в трубке, слышны шаги... Да, он явственно слышал их. – Ты не одна?.. – насторожился он, воочию увидев, как она делает там кому-то знак рукой, и этот кто-то садится, притихает, замирает, как и он, когда она, взяв трубку, махала рукой, прося взглядом о том, чтобы он не подавал признаков жизни, потому что она говорит с кем-то, кто не должен знать о его присутствии. Это всегда бывало неприятно.

– Одна. Одна я.

– А если я сейчас приеду? – начал настаивать он.

– Этого не хватало. Я не открою. Что это за проверки? Одна – не одна. Даже если не одна?.. Это мой дом. Ты не имеешь права.

Тут он явственно услышал скрип половиц – так скрипело у большого кресла. Он сам не раз осторожно переступал через это место, чтоб не шуметь. Этот кто-то, видно, еще не знает, что не следует туда наступать.

– Мы с тобой договорились не лгать друг другу, – сказал он, пряча все чувства и напряженно вслушиваясь в трубку (играла музыка, что-то мерзкое, тягучее).

– Ну и что? Я и не лгу.

– Кто-то появился у тебя? – спросил он внезапно для себя.

Помедлив, она сказала:

– Да.

– Вот как... Шутишь?.. – опешил он.

– Нет.

– Кто же счастливчик?..

– Кто-то... Студент. Мой ровесник.

Тут только он начал осознать, что происходит.

– Студент, значит... Вот оно что... Ты уже спала с ним?

– Да, – ответил она, помолчав.

– И как?

– Ничего. Нормально.

После этого он уже не знал, что спрашивать дальше, и замолк.

– Может быть, я ошибаюсь, что говорю тебе все это, – сказала она после паузы. – Я думала, что смогу промолчать. Но лучше, чтобы ты знал правду. Я сама еще ничего не понимаю.

– Там кто-то есть?..

– Ах глупости, это я в ванной.

– Когда это случилось?

– Не имеет значения. Недавно.

Помолчали.

– Что же теперь делать? Всё в мусор? – глухо спросил он.

– Не знаю. Надо подождать. Надо разобраться, – ответила она серьезно. – Что же делать, если я действительно еще сама не разобралась в себе?.. Нужно время.

– Кому подождать?

– Тебе.

– Мне?.. Ты, значит, проводишь опыты, а я должен ждать. Как подопытный кролик. Сильно. Крепко. Молодец.

– Да. Мы ведь близкие люди?.. Ну и вот. Мне надо понять, что происходит. Может быть, это скоро пройдет.

– А может быть, и нет.

– Может быть, и нет. Ты тоже... ищи себе... – тут она запнулась.

– Что? – удивился он. – Что искать?

– Ну – что?.. Женщину... На всякий случай...

– Крепко режешь. И когда прикажешь узнать результат?.. Может быть, в письменном виде?.. Через нотариуса?..

Она вздохнула, помолчала, потом попросила:

– Не злись. Мне самой тяжело. Ну что я могу сделать?.. Так случилось. Он мне понравился. Ну, это же бывает?.. Но это, наверно, не любовь. Так, просто секс. Что-то новое... – начала объяснять она.

– Новое?.. Что, например?

– Ну... – Она помешкала. – Что-то новое... Другое...

– Посмотрим, что ты скажешь через пару недель, когда новое станет старым!..

Ты просто *идиотка и дура!*

– Да, конечно, – поспешила согласиться она. – Я знаю, что я дура и идиотка. И может быть, это все скоро пройдет. Но пока это так. Врать не хочу. Я знаю, что это плохо. Но что делать? Я же не виновата, правда?

– Конечно, папа римский виноват... Но почему я должен ждать, а не он?.. Пусть он ждет, – вдруг придумал он хороший выход, но она отрезала:

– Нет, так я не смогу. Я так больше буду думать о нем. Он и так все время хочет меня видеть. Говорит, что страдает.

– Ах, он страдает! Ах, бедняжка, страдалец!.. Он страдает!.. Да как он может страдать, зная тебя три дня?.. Страдалец!.. – с язвительной горечью повторил он, думая о том, что ее просто надо убить, а потом, когда все будет кончено, облить бензином и сжечь. Чтобы и пепла не осталось от *проклятой шлюхи!*

Помолчав, он произнес, не понимая запоздалой бессмысленности своих слов:

– Подумай хорошенько, кого на кого ты меняешь. Между нами не один день и не один час...

Она тотчас подхватила:

– Вот именно. Мы слишком хорошо знаем друг друга. И ты уже раньше знал, что мне нужен постоянный друг, с которым я могла бы выйти в город, посидеть в кафе, потанцевать, поехать куда-нибудь... А у нас как?.. Ты появляешься на сутки, а потом я опять все время одна, но под твоим телефонным контролем!.. Мне надоело!.. Мы уже не раз говорили об этом. И ты сам мне говорил, что ни в чем не будешь мне мешать. Ну и вот. Случилось. Что теперь?.. Зачем я должна лгать тебе?.. Я говорю как есть.

– Кто он?.. Немец?.. Как его зовут?.. Чем занимается?.. – в приступе звериного любопытства стал выспрашивать он, как будто это имело значение или могло что-нибудь изменить.

– Да, немец. Химик. А как зовут – не скажу, чтоб ты глупостей не наделал.

– Я и так узнаю, – не нашел он ничего лучшего в ответ.

Как все просто, оказывается!.. «Подожди!..» Значит, он должен ждать, а она будет проводить эксперименты. Вот она, очередь к телу любимой женщины!.. Вход в спермохранилище – три рубля! Для старых друзей – скидка! Сильная игра. Но не для него. Жаль. Он почти физически чувствовал, как отваливается пласт жизни, уходит в никуда, во мрак и пустоту. «За это ты заплатишься, – угрюмо подумал он. – И твоя жизнь уйдет туда же – в никуда, в тартарары!»

Разговаривать больше было не о чем. Он повесил трубку.

Шагая по комнате, он начал обдумывать, где взять канистру с бензином. Поджог после убийства казался самым верным делом. Уже не стоял вопрос, убить или не убить. Дело было в том, как это сделать... Разменивает, значит, как мелкую монету, на первого попавшегося химика... И это все уже не в Италии или во Франкфурте, а вот тут, в их постели, у него на глазах, в его присутствии почти что!..

Ему вдруг очень захотелось узнать, одна ли она сейчас или там кто-то есть. Он представил себе, что можно выйти, сесть в такси (надо будет захватить какую-нибудь железку), поддеть замок, войти и... Что?.. Увидеть их в постели?.. А дальше?.. Ну, узнает, что она не одна, какая теперь разница?.. Она же доходчиво объяснила, что ей нужен постоянный друг, с которым она могла бы ходить на свои дурацкие вечеринки и ездить по магазинам, хотя бы за той же минералкой, надоело самой бутылки таскать. Он-то ничем ей не помогает. Да и логика жизни велит время от времени менять партнеров в постели... «Ищи себе тоже...» Это обычно говорится, когда предательство уже совершено и не страшно потерять человека.

«Жестокая у меня муза, – усмехнулся он, в оцепенении повалившись в кресло. – Отворю дверь – там замок слабый, еле держится – и загляну в комнату, где они будут лежать: она наверняка среди своих любимых игрушек, старый Белло, пингвинчик, плюшевый лось. А он...»

Тут он начал представлять себе, как может выглядеть этот «он», но потом подумал, что какая разница, если все равно надо начинать с него... И железка должна быть побольше, чем эта...

Он не поленился сорвать с «Беса» ржавый болт-нос и помахать им в воздухе. Но тут пришло в голову, что химик-то и ни при чем, и если казнить, то свою музу или себя самого, а не кого-то третьего. Его-то за что?.. «Вот, оказывается, как мало я стою, – подумал он. – Поменяла, как старые трусы. Или любовь уже исчерпана?.. Или это была не любовь?..»

К разрыву, по сути, шло давно. Разговоры о третьем возникали порой само собой, ибо жизнь требовала кого-то рядом с ней постоянно или чаще, чем это было с ним. И она, уезжая в поездки (а может быть, и тут тоже), пробовала, с немецкой тщательностью проводила «опыты» и сортировала: «негр», «испанец», «француз». А после каждого правдивого известия о ее новом опыте гибло что-то безвозвратно, чего было безумно жаль. Она этого как будто не видела, а может быть, видела и была даже рада этому, и специально выдавливала из него любовь, как гной из раны.

Ведь как будто совсем недавно они, лежа в постели, говорили о том, как им хорошо вместе и что у них, наверно, биологическая совместимость!.. И – на тебе, пожалуйста. Всё прах и пепел, пустота!.. Хочешь – стой в очереди за ее ласками, жди, пока она там разберется, что к чему, и потом тебе все подробно изложит, только успевай уши развешивать и глаза распахивать. Влюбленный всегда смешон. Ну а уж покинутый – так просто жалок. Лопух. Тонны картин и тысячи книг не удержат женщину от измены. Всё блеф перед логикой жизни. Они лучше приспособлены к природе, и логика жизни – это их логика. А дурак-мужчина остается с букетом ненужных цветов и с ложкой горькой любви в бочке своей жизни.

«Тут надо вырезать кусок», – вдруг решил он, глядя на один старый холст. Схватил нож, вырезал из холста острый овал и швырнул его в мусорное ведро.

Полюбовавшись на свою работу, он подумал, что сходит с ума, и затих на кровати. Ярость, злоба, отчаяние, тоска стискивали со всех сторон...

...Судья, наверно, спросит, как все произошло. Придется начать издалека. Откуда?.. Да с самого начала, чтоб ясен был ход дела, веши ее предательства.

«Почему вы это сделали, подсудимый?»

«Я любил ее. А она мне изменила».

«Разве это причина, чтобы убивать?..»

«Для кого как», – ответит он.

«К делу, подсудимый. Расскажите суду, как вы убили ее!»

«Я мало помню, ваша честь. Разве вы сами не знаете, как это произошло?.. Ах, труп сгорел?.. Возможно. Она часто бывала неосторожна со свечами, когда зажигала их перед тем, как улечься в постель с очередным любовником, или, как скромно говорят в Германии, другом, – хотя, замечу, друзей не трахают... Как – «убита ножом»?.. А-а, наверно, за все обманутое человечество, за разрушенные грезы, за подлость убита... Но я этого, честно говоря, не помню, это я прочел в вашем обвинительном заключении. На самом деле последнее, что я помню, – это ее лицо, такое родное и в то же время такое чужое и мерзкое. Над ее головой даже как будто возник нимб. Тень от него падала на ту стену, возле которой мы так часто любили друг друга... Все остальное – это затмение, пропажа памяти, блэкаут. Бывало ли со мной такое раньше?.. Конечно, и неоднократно. В справках все указано. Позвольте заметить, ваша честь, что у художников, как всем известно, не все дома, крыша едет и мозги набекрень. И чем талант сильнее, тем патология выше, гении же – сплошные маньяки-параноики. Не верите – откройте энциклопедию.

Что?.. Как это – «убита вазой»?.. Впрочем, может быть, и вазой. И почему убита?.. Погибла. Несчастный случай. Ваза была большая, откуда-то из Франции, где она с этим гамадрилом из Габона трахалась, – лапы розовые, глаза мутные, хвост столбом и вонь кругом. И стояла эта ваза всегда близко к краю полки, я даже предупреждал ее, что ваза может упасть, но она всегда была очень, очень упряма, настоящая тевтонка...

Да, я как будто даже помню звон осколков... Бедная, она часто бывала неповоротлива, вот и доигралась... А ревность – страшное чувство, еще по классической литературе известно. Кстати, пророк Заратустра вообще отрицал наличие души у женщины, а я, между прочим, как раз собирался перейти в зороастризм, так что вышлите меня лучше туда, где жизнь женщины приравнена к десяти баранам или половине верблюда, там меня хорошо поймут – пусть там и судят...

Ну хорошо – шутки в сторону: я хочу сделать важное заявление, пусть стенографисты напрягутся. Покойная погибшая была ведьма, которую я разоблачил и наказал, как и подобает, огнем и мечом. Это ведь миссия каждого честного человека. Не бойтесь, ваша честь, ведьмы все равно не умирают, они только меняют кожу, пристанище, тела. А то, что она была ведьма, – вне сомнений. У нее, например, было еще две груди сзади, на спине. В обычные дни она втягивала их в себя, а во время оргий – выставляла наружу. Умела матку выворачивать наизнанку. Были и еще кое-где метки, сквозь которые нечистая сила входила и выходила в нее и из нее. Эксгумируйте – убедитесь.

Да, этот день я очень хорошо помню. Я выпил ведро водки, выкурил брус гашиша, уколол литр героина, занюхал кило крэка, не забыл захватить с собой цветы, шампанское, наручники, клейкую ленту, канистру, веревку (как же без веревки к ведьме?..) – и отправился к ней в последние гости.

По дороге я вспоминал трактат «Молот ведьм». Как, вы не знаете этой великой книги?.. Вашими умными соотечественниками написан сей фолиант в 1489 году в Кёльне! И уверен, что вам лучше соотноситься с его параграфами, чем с вашим кодексом, где за убийство дают пять лет, а за неуплату налогов – пятнадцать. Авторы, гг. Яков Шпренгер и Генрих Крамер, уже тогда поняли, что женщины – более легкая добыча для дьявола, чем мужчины, примерно один к десяти, потому что они более легковверны, восприимчивы, невоздержанны на язык, любопытны, похотливы и любят тайно мстить. Да и как иначе, если само слово «femina» происходит от слов «fe» – вера, и «minus» – малый?.. Вашим предкам из Кёльна это было хорошо известно.

Женщина связана с дьяволом всегда. Судите сами: если она легкомысленная мотовка – значит, дьявол будоражит ее. Если бережлива и имеет достаток – значит, дьявол снабжает ее деньгами за верность. Если она весела – то это явно следствие его чертовых чар. Если печальна – или удручена дьяволом, или что-то задумала вкупе с ним. Если часто ходит в церковь – значит, хочет отвести от себя подозрения. Если ходит редко – дьявол так поработил ее, что и к святой церкви не приблизиться. Если развратничает направо и налево – значит, подбита дьяволом на блуд. Если сидит скромно – так утомлена бесовщиной, что и рукой не в силах шевельнуть. Так-то. Вам было бы очень бесполезно прочесть эту книгу, в вашей судебной библиотеке она непременно должна быть – как же без нее?..

Вспоминая прозорливых кёльнцев, я поднялся по лестнице тихо-тихо, чтобы не встретить ее соседей, с каждым из которых она переспала разок, в чем я теперь был уверен, – любознательному всякий опыт полезен. Канистру с бензином я спрятал в стиральной машине, что стояла на лестничной площадке около её двери.

Она была одна и читала. Подарив цветы, я сел на обычное место, к окну. Все вокруг казалось мне грязным и отвратительным. Но ничего, огонь смывает все следы. Я взял себя в руки. Сделал вид, что все забыл и простил, и разжег ее, и мы легли, но я предложил:

«Давай с наручниками!»

«Давай!» – ответила она. Она любила всякие игры.

Я прикрепил ее руки к кровати. Потом и ноги. Это ей не понравилось, но было уже поздно.

«Сними с ног», – попросила она.

«Тебя уже не спрашивают», – ответил я и начал обматывать её лицо клейкой широкой лентой. Оставил только ноздри и глаза. Они кричали, эти глаза, но я был стоек.

Обмотав лицо, я сел рядом и начал перечислять все ее измены, каждый раз проводя кухонным ножом кровавую черту на ее теле. Раз я задел вену, кровь пошла сильно, но я засыпал рану солью, и кровь остановилась.

«Ты понимаешь, за что ты умираешь?» – спрашивал я ее.

Она была в шоке, но глазами что-то показывала, чего я не хотел понимать. О, эти глаза!.. Они говорили так ясно!.. Я читал в них, как в книге, но делал вид, что ничего не понимаю – так делала она, рассказывая об очередном своем любовнике.

Всё это продолжалось долго. Я говорил и резал, она стонала и дергалась. Это – за негра из Габона... Это – за итальянца с диско... Это – за перса с губами... Это – за химика с ушами... Это – за тех, кого я не знаю... Я специально выбирал такие места на ее теле, которые больше всего любил ласкать. Да, именно эти места и были самыми нежными... Кровь уже была всюду – на полу, на кровати, на мне, на её игрушках...

Потом я взял канистру и вернулся в комнату. Она ворочалась, шевелилась, урчала. Ее ресницы вздрагивали, по изрезанному телу бегали судороги.

«Это твой последний оргазм, больше не будет» . Я начал лить из канистры бензин.

Вначале облил ее, отчего она стала корчиться сильнее, потом все углы, бумаги, кассеты, игрушки, одежду, занавеси, ее белье, трусы и лифчики (их я разбросал по комнате, предварительно изрезав). Провел бензиновую дорожку до дверей, вернулся, поймал ее угасающий взгляд. Ненависть, мольба, ужас.

«Пока! Не скучай! Встретимся в другом месте!»

Казалось, она ответила мне глазами. Я долго целовал эти глаза, чувствуя вкус крови и бензина...

У двери надо щелкнуть зажигалкой. Огненная змейка ринулась в комнату. Я запер замок на два оборота, слыша, как в комнате начало гудеть, и вышел на улицу, никого не встретив в подъезде.

Обошел дом. В ее окнах металось что-то красно-оранжевое, вроде её любимой цветомузыки. «Вот и диско, ты это очень любила, потанцуй в последний раз» . Потом полопались стекла, а из окна, я это хорошо помню, вылетел черный плотный клуб, взвился над крышами и начал уходить в небо... В доме стали кричать и бегать. Захлопали двери, заголосили дети...

Я не уверен, два часа (или, лучше сказать, ваше бесчестье), что все было именно так. Так, во всяком случае, мне так помнится... Я любил ее, но она предала меня, и за это я убил ее. Вы, ваше бесчестье, хоть сейчас и стары, но тоже когда-то были мужчиной – судите меня, если можете... Я знаю, что в ныне просвещенной Германии нет смертной казни, но даже если бы она и была, я не очень сожалел бы об этом... Да, и сделайте, пожалуйста, скидку на разность рас, темпераментов и понятий, а также на то, что я как раз собирался перейти в зороастризм –

пророк Заратустра, явившись мне во сне, приказал доказать свою преданность, что я с удовольствием и произвел... И, главное, не забывайте: не судите, да не судимы будете, ваше бесчестье, хотя говорить подобное судье с вашим стажем по меньшей мере глупо. Мне нечего больше сказать. С уважением, или, вернее, с презрением (что, впрочем, для вас одно и то же), примите и прочее...»

7

21 декабря 1996

Я сама первая никогда не звонила *зверю*, но теперь хотелось его услышать. В то же время опасаясь разговора с ним. Ведь недавно поссорились из-за губастого перса, а тут еще это, с Куртом...

«Глупая коза! Чего ты мелешь языком?..» – ругала я себя, собирая вещи и готовясь уехать домой на Рождество. (Всегда, когда я недовольна собой, в мыслях называю себя на ты и вижу словно в зеркале: сделала гадость – и сиди там, ваперти...) В себе разберись, а потом болтай!.. Или похвастаться хочешь?.. Или приятно мучать его?.. Наверно, ты просто садистка, потомственная... Ингрид сто раз права: мало ли кто с кем переспал, чего сразу докладывать?.. Как это *мачо* называет Ингрид по-русски – «проститутка с блядским наклоном»?.. Или «блядь с проститутским поклоном»?.. И слово это – «блядь» – какое страшное, скользкое, мокрое, как грязная тряпка...

Интересно, почему в гимназии я выбрала тогда русский?.. Тоже из упрямства, наверно: все выбрали английский, а я и еще один мальчик – русский!.. И очень хорошо!.. Притом английский я и так знаю с детства, как и французский... Я вообще люблю языки... Русский учитель тоже все на мою грудь смотрел. Такой щуплый, с бородой, моего роста, даже ниже... Вот *зверь* мне в самый раз... Скучно без него... И зачем мне этот Курт вообще сдался?..

Случилось все это с ним как-то неожиданно. За эти десять дней мы пару раз встретились в городе, посидели в ресторане, сходили на диско. А потом он пригласил к себе, «слайды показать». Хм, известно: один слайды показывает, другой – книги, третий – картины, четвертый – марки в альбомах рассматривать зовет... Смешно!..

Больше всего мне нравилось следить, как эти странные существа делают первые шаги. Одни ищут мимолетных касаний. Другие, волнуясь, принимаются за анекдоты. Кто-то предлагает посмотреть кассеты. Кто-то приглашает танцевать и прижимается под шумок. Кто-то подливает в бокал. Кто-то пытается ногой коснуться под столом и думает, что если я не отвожу ногу, то это о чем-то говорит. Самое трудное для них – первый шаг. А потом уж катится. Пока я к *зверю* в танце сама не прижалась, он и не делал поползновений. Правда, виделись мы тогда с ним на курсах, когда он был на работе. Трезвые они пугливы, как зайцы, и всегда готовы отпрянуть, если их по-настоящему пугнуть. А пьяные – глупы и показывают себя с худшей стороны, что бывает противно.

Но все-таки приятно знать, что ты можешь сделать все, а можешь ничего не делать – ни поцелуев, ни ласк, ни секса. Или можешь разрешить поцелуи без ласк, или ласки без секса – на все твоя воля... Конечно, к сексу я отношусь очень серьезно, ибо это – не только удовольствие, но и заряд сил, здоровья, энергии. Недаром Ингрид повторяет: «Секс не делает счастливым, но успокаивает».

У нас вообще-то парни долго тянут, на юге быстрее. Иногда это хорошо, а иногда неприятно. Наверно, плохо – думать так. Я вообще рано испортилась... И если Ингрид, по словам *зверя*, проститутка с блядским уклоном, то кто же я?.. Как

это он меня назвал недавно – шлюхская блядь?.. А может, шлюшья?.. Шлюшина?.. Или шлюхина?... Или даже шлюховая?.. О, эти славяне нарочно все так запутали, чтобы мы их понять не могли... Вот грузинский язык не только понять, но даже повторить невозможно – кипит, как вода в чайнике. Чуть не захлебнулась тогда, когда *зверь* учил меня ругаться по-своему!.. Когда он бранится по-своему – от страха тянет шмыгнуть под одеяло и потушить свет. Русская ругань смешит, а грузинская пугает.

Иногда, забываясь в постели, он переходил на свой сказочный язык, и я дрожала от бурливой нежности неистовых слов. Звуки чаровали. Что я знала о его стране?.. Что вообще о ней знают в Германии?.. Сталин и Шеварднадзе. Хребет мира – Кавказ. Прометей. Аргонавты. Древняя культура. Раннее христианство. И Черное море. Вот про войну какую-то показывали по телевизору: беженцы, зверства, трупы. И про президента с такой странной фамилией: Камдахурсия, кажется... нет, Хурдиамсия... Ну да, у нас ведь по телевизору показывают другие страны, только если там пожары, войны или катастрофы.

Но выучить несколько слов по-грузински никак не удавалось, это было за пределами возможностей – я просто не в состоянии была произнести эти звуки, но физически ощущала их выпуклый объем, вес и силу – их можно было трогать руками, ощупывать. Как это будет по-грузински: «Лягушка квакает в воде»?.. Он меня учил. Уму непостижимо. Ни за что не повторить. И «я тебя люблю» очень как-то красиво звучит – как будто в горячих волнах купаешься или в церкви молишься!

Я тоже иногда читала *варвару* наши сказки. Ему нравилось. Еще бы!.. Ведь я из Нижней Саксонии, той части Германии, где говорят на самом мелодичном и правильном немецком языке. А жуткие уроды-диалекты вроде швабского и баварского я слышать не могу: ужас какой-то, как будто и не немцы вовсе говорят, а какие-нибудь албанцы.

Ему нравилось мое чтение. Мне было приятно слушать его похвалы, но я делала вид, что не верю ему, и подзуживала его: «Ты врешь! Ты просто так это говоришь!» – принимая потом его объяснения и объятия, от которых дух захватывает, как на качелях, что стоят перед моим домом на севере.

Это сейчас я учусь тут, в центре Германии. А детство прошло среди огромных сизых полей, под синим до блеска небом, где люди снимают друг перед другом шляпы и часто звонят колокола. Я привыкла к равнинам, видеть далеко и широко. А *зверь*, наверно, привык к горам у себя на Кавказе... Хотя нет, вырос он в Тбилиси, большом городе, а я – в небольшом городке... Это тоже разница. Одна из разниц. Много их друг на друга клеится...

А ты уверена, он будет вечно терпеть твои выходки?.. Почему ты так уверена, а?.. А вот один раз скажет: «Все, хватит!» – и больше не придет. Каково тогда?.. Он же *мачо!*..

И я застыла, представив себе, как он скажет «Все, хватит!» – и никогда – *никогда* – не придет. В комнате стало как будто холоднее, темнее.

Но я не дала себе расслабиться: не придет – и не надо!.. Этот Курт тоже очень приятный парень!.. Нежный такой. Губы, как у теленка... И плечи такие мощные, покатые... Я это люблю – плечи... И на голове волосы бобриком... Вежливый, услужливый.

У него дома всё пошло как обычно: вино, болтовня о том, о сем. Он что-то рассказывал, я исподтишка осматривала его. Молод, младше меня, для немца довольно задирист (из бывшей ГДР они все такие, нагловатые и развязные). Не боялся углубляться в темы. Я тоже не отставала. Временами я бойка на язык. Я всегда была смелой, еще от бабушки зная, что без смелости не усмирить мужчин.

Он ходил по комнате, менял кассету, устанавливал проектор около громоздкой железной кровати с узорными спинками, как в итальянских фильмах... Книжки. Компьютер. Таблицы на стене. Все прибрано, чисто (не то что в берлоге у *варвара*, где полный хаос, чего я не люблю).

Мы долго ужинали. Оказалось, что он заядлый вегетарианец, не курит, любит спорт и велосипедные вылазки. А это – мое любимое детское занятие. Как хорошо в лесу!.. На берегу озера!.. Как заманчиво шелестит листва, когда блуждаешь по лесу или идешь в поход!.. Больше всего я люблю природу, недаром *мачо* дразнит меня *экобабой* (а над спортом постоянно издевается и лишнего шага не делает – не то что в походы ходить).

Курт рассказывал об Индии, ложился на пол, изображая священных коров, мычал. Ему, конечно, очень понравился Храм Любви:

«Там такие интересные скульптуры!» – ухмыльнулся он.

После храма речь добралась до быстрого секса – он утверждал, что это самое острое в жизни, я отвечала, что не всегда всё получается удачно.

«Мы бы могли попробовать, – наконец, выпалил он. – А вдруг повезет?..»

Рассмешило его лицо – как у мальчишки, решившегося украсть яблоки. Я с вызовом ответила:

«Ну, кто начнет?..»

«Сначала, наверно, надо положить руку вот так... А другую – сюда...»

Я не отпрянула.

Высокие спинки оказались удобны.

Я сразу поняла, что он – в полной моей власти, подчинен по-настоящему, с ним я могу дать себе волю, а не давиться, как с *варваром*. Все-таки какие они разные... *Мачо* на словах мне покорен, а в постели делает исключительно то, что хочет... А этот будет делать, что я хочу...

Теперь, значит, у меня два любовника. И что дальше – неизвестно...

Я встряхнулась. Время поджигает. Надо вытащить белье из машины, помыть посуду, прибрать комнату. Нижний сосед опять жаловался, что моя стиральная машина мало что стоит на общей лестничной площадке – еще и дребезжит при работе, как трактор, так что если я не приму меры, то он примет свои. Наши все доносчики, от них можно всего ожидать.

Белло не забыть. Собачонка: одно ухо оторвано, пуговицы-глаза еле держатся. С десяти лет я не могу заснуть без него. *Зверь* даже иногда выбрасывал его по ночам: «Мало тебе меня?» – а я злилась и требовала игрушку обратно. К Белло ревнует, не то что к живому человеку... Курта он не потерпит. Хорошо, что уезжаю: будет время подумать. В любом случае вспять не повернешь. Что сделано – сделано.

Мне хорошо с Куртом – вот и все. И пьет он мало, и покорен. И тело у него такое прохладное, гладкое, доверчивое, не то, что у *зверя* – горячее, грубое, волосатое. После него в постели всегда полно волос, как от кошки... Ну вот, разве это хорошо?.. Конечно, такой волосатый!.. Иногда это приятно, но когда волоски падают тебе в рот или еще куда – это уже плохо, это раздражает. У него не волосы, а шерсть. Как это поговорка по-русски – три шубы спускать?.. Три шерсти сорвать?.. Три меха снять?.. Ох, трудно...

Русский учитель часто говорил, что если хочешь реально выучить язык, то спрашивай «как», а не «почему» (этим ученые-почемучки занимаются). Так – и всё. Надо принять, освоить, осолить. Язык не для того, чтобы его чужие учили, а для самого народа. Как ему удобнее – так он и говорит. Вот почему мы, немцы, считаем задом наперед?.. Кто еще в мире говорит вместо «девяносто один» – «один и девяносто»? Это же маразм!.. Почему китайцы иероглифами пишут?.. Или арабы

– справа налево?.. Разные люди – разные языки. Было бы скучно, если бы весь мир был Германией.

Кстати, Курт отлично танцует, а для меня это важно: я очень люблю танцевать. Я просто отдыхала в его руках. И плечи у него такие выпуклые, округлые, на них так приятно класть руки... Да, с моим ростом это важно...

Тут позвонила Ингрид, начала выпрашивать, как дела с Куртом, и пришлось сказать правду – все равно узнает.

– Ну! – обрадовалась Ингрид. – И как?

– Ничего.

– Что значит «ничего»? Умеет?.. Может?.. Имеет?..

– Да, все в норме.

– А *мачо* сказала?

– Да. Поссорились.

Услышав это, Ингрид принялась меня пилить:

– Вот дура, зачем?.. Подожди, посмотри, как с этим дальше будет, а потом уж болтай, если это вообще необходимо. А лучше всего молчи как рыба. Ну а что ты сама чувствуешь?.. С кем тебе приятнее, с кем бы ты хотела быть?.. – допытывалась она. – Не только в кровати, а вообще, так, по жизни?..

– С Куртом я могу быть сама собой, а с *мачо* я подавлена. В Курте есть что-то новое, другое, свежее, а со *зверем* все известно. Да и устала я с ним, честно говоря. В общем, сама не знаю, чего хочу, – вырвалось у меня.

– Зато я знаю. Ты хочешь и того, и другого. И смотри не потеряй их обоих. Знаешь, как легко между двумя стульями сесть, прямо задницей на пол? – предупредила Ингрид. – А Курт, кстати, знает о *мачо*?

– Пока не сказала. Но придется, наверно. Я не могу лгать. По мне видно. Ну что я могу поделаться? Краснею, язык заплетается...

– Ты что, спятила, ни за что ничего не говори! – взвилась Ингрид. – Курт такой обидчивый и гордый, он тут же бросит тебя, будь уверена. Он же немец!..

– Бросит? Я не вещь, и у меня с ним пока ничего особого нет. Подумаешь – переспали!.. *Мачо*, кстати, в сто раз обидчивее.

– Ну и поссорился с тобой, не звонит. Хочешь, чтоб и этот тоже?.. Мне лично кажется, что тебе лучше иметь отношения с немцем: и в кино сходить, и в гости, и в ресторан, и деньги у них есть, и свои они, и на людях не стыдно показаться... *А иносранцы*... Одни проблемы от них, не наших понятий люди... Тебе лучше его бросить, пока он тебя не прирезал, – зловеще закончила Ингрид, а я подумала, что она права: отношения не вернуть в прежнее состояние, да и вряд ли нужно, и пусть лучше все кончится хорошо и красиво, без дрызг и ссор.

Напоследок она сообщила, что едет с обоими любовниками на Рождество в Каир:

– Египет – это так интересно! Я все буду снимать на видео. У Лизуна хорошая камера, а Ебун в свое время занимался фотоделом, так что он тоже умеет снимать. А Домашнее Животное наказано, дома будет сидеть.

– Слушай, я хотела спросить... Как ты с ними в поездке управляешься, с двумя? Ингрид захохотала:

– Проще простого. Один день с одним сплю, другой – с другим... Ну, чао-чао, когда приеду – встретимся!.. Пока!

Сразу после Ингрид зазвонил телефон.

– С кем ты, бог мой, столько болтала – я уже полчаса звоню? – спросил Курт, и нотки его голоса мне не понравились.

– А в чем дело?.. Я, кажется, сама плачу за свой телефон? – отрезала я. Этого еще не хватает!.. Из новых немцев, пряткий.

– Конечно, конечно, извини, просто я звонил несколько раз, – пошел он на попятный, сбавил тон и перевел разговор на Рождество: что я собираюсь делать и где встречать.

– Я уезжаю, меня не будет, – сообщила я, прижав трубку к плечу и вынимая тарелки из раковины.

– Куда?

– Куда люди уезжают на Рождество?.. Домой. К родителям.

– Да? – разочарованно протянул он. – А я думал, что мы встретим его вместе. У Бога под боком.

– А ты не едешь домой? У вас там, в бывшей ГДР, Рождество разве не празднуют? – уколола я его.

Он сделал вид, что не заметил:

– Работы много: опыты надо проводить, шеф не отпускает. Даже ночью придется дежурить.

– О!.. И ты сидишь там?.. Ночью?.. Один?.. Это так романтично – ночь, луна, колбы!

Курт засмеялся:

– Приходи, когда вернешься. А что за посуда там у тебя стучит?.. У тебя что, люди?

– Да.

– Кто?..

– Мой любовник, – ответила я, съезжая по острию ножа.

– У тебя есть любовник? – удивился он.

– А что ты думал, я сидела и двадцать три года тебя ждала?

Он помолчал и сказал:

– Мне тебя будет не хватать. Что-то между нами есть, ты не чувствуешь?

– Да, пожалуй, как же иначе?.. Конечно, что-то есть. Только вот что? – не удержалась я.

– Любимая, – прошептал он. – Боже, как я тебя люблю!

– А вот этого тебе не следовало говорить, – разочарованно произнесла я.

– Почему, если это правда?

– Это слово не для игры. – Послушав, как он молчит, я добавила: – Когда приеду – увидимся. Не скучай!.. Счастливого Рождества тебе!

Он стал предлагать отвезти меня на вокзал. Но мне этого не хотелось. Деньги на такси у самой найдутся:

– Мне надо еще складываться, пока!

Любимая!.. Смотри на него! Как скоро! Опасное слово. Нечего его трепать. Еще бабушка учила, что нельзя сорить этим словом и что если оно выпало, вырвалось, вылетело – то будь добра отвечать за него. И не забывать, что после молодости следует зрелость, в которой придется пожинать плоды – или сладкие, или горькие, смотря что ты делала в молодости; и то, что кажется сейчас сладким, со временем может оказаться очень даже кислым.

Вызвав такси и выходя из дома, я проверила почтовый ящик, где нашла письмо от *зверя*. Он обязательно писал, когда мы ссорились. У меня собралось уже несколько его писем. И читать эти письма всегда было грустно. Я даже плакала тайком. Наверно, и это будет такое... щемящее...

Все-таки в этих южанах больше души, чем в наших, которые думают только о себе, карьере и деньгах. Но южане так утомительны, с ними много хлопот и проблем, а этого мне совсем не надо. Для чего? И так стресса много: курсовую сдала – экзамен на носу. От экзамена отделаюсь – практика назревает. Семинары жмут, процентология изводит. Я цифры люблю, но иногда от них душу воротит.

...Утром, как только он разлепил глаза, начали наползать мысли о ночном кошмаре – тягучие, тоскливые, серые, скользкие, последние... Значит, всё – конец. Окончательный конец. Полный крах.

Странно, как они вообще так долго продержались вместе?.. Ведь он почти старик, а она молода. Он на чужбине, она – на родине. Он беден – она обеспечена. Его впереди ничего не ждет – перед ней открыты все дороги. И чего вообще можно от нее требовать, ничего не давая взамен, кроме своей персоны?.. И почему это он думает, что он лучше всех?.. Не быть бы худшим, а уж до лучшего далеко...

Мысли о ночном были так темны и смыкались так плотно, что их приходилось раздвигать почти силой, чтобы хоть как-то жить дальше. Так лежал он долго, с отворачиванием глядя на одну, давно висевшую криво, картину и слушая, как на кухне гремит посудой доктор Мукумба.

Тоска, разбитая любовь и чужбина. Нищие художники нигде никому не нужны. Это потом, после смерти – свистопляска, ажиотаж умиления: «Ах, он себе ухо отрезал!.. Ах, он жил в хижине на берегу моря!.. Ах, он оглох, ослеп, сидел в тюрьме, потерял руку, родных, здоровье, силы!.. Ах, он умер с голоду!.. Ах, его похоронили в могиле для бедных!..» Это все потом. А при жизни всё буднично, тихо и мерзко – в общей могиле наверняка веселей...

И её вполне можно понять. Ведь какие воздушные замки строились!.. Какие карточные домики складывались!.. И было же время, когда они искренне верили в них!.. Что наконец придут слава и деньги, картины будут нарасхват, выставки в Нью-Йорке, Амстердаме и Милане, импресарио и менеджеры, репортеры и почитатели... А они с ней будут ездить по миру, любить друг друга и отдыхать на Сейшелах. Но прошло время, а Сейшел что-то не видать. И агенты из Токио не обрывают телефон... А теперь она, наверно, мечтает с химиком, как тот станет профессором и получит Нобелевскую, и они начнут ездить по конгрессам и давать пресс-конференции... А ты сиди и слушай арии Мукумбы.

Конечно, этот химик не первый у нее. И до него были, и после будут... Но до сих пор рассказывалось о тех, кто был там, где-то, когда-то, а теперь это здесь, и сейчас, и теперь... Что же, каждый может сделать свой шаг... Она свой сделала, дала ясно понять, что предпочла другого и что он волен действовать, как хочет – ревновать, метаться от ярости, резать никчемные холсты, искать новую женщину – ей все равно. Конечно, новый любовник всегда в преимуществе – о нем ничего не известно и ужас как хочется узнать, а со старым все ясно. Выигрыш на стороне логики жизни.

Что ж, хоть не лжет, как это часто бывает, отчего обманываемый выглядит до того смешно, что такого не грех и бросить (а жертва толком даже и не знает, почему она отставлена). Некоторые лгут годами, десятилетиями. В любом случае – спасибо за правду: от рогов никто не застрахован, но носить их не хочется. Недаром, наверно, слова «любой» и «любовь» – одного корня: люби любого любой любовью, любимая люблядь...

Потом он начал занудливо ругать её вслух и дошел до каких-то странных слов: – Губосиська!.. Сукожоп!.. Ляжкодырка!.. Задосука!.. – (Босховские упыри мелькали перед глазами). – Пиздасиська!.. Ёбасрака!.. Ляжкогубка!.. Жоподрочка!..

Потом замолк, ворча. В голове что-то съеживалось, меркло, тускнело. Зябко стало на душе. И представилась черная дорога в никуда, серое небо, белые пласты снега по обочинам.

Он не говорил себе обычных в таких случаях слов о том, что все равно у них нет будущего, что они очень разные, что отношения зашли в тупик и никто не хо-

тел уступать, что когда-то все это должно было кончиться и что лучше раньше, чем позже, и тому подобную ересь, которой люди успокаивают себя, убивая любовь, разделявая душу, как тушу. Спасибо за правду. Как это у Толстого?.. Мальчик разбил чашку. Чашка была хороша. Никто не видел. Отец спросил: «Ты разбил?» Мальчик сказал: «Я». «Спасибо, что правду сказал».

Теперь он свободен в выборе. Можно пересидеть, переждать, звонить, спрашивать, как там, удачно ли все идет, и какие новые позы она уже выучила и есть ли еще место в спермохранилище или оно уже переполнено, так что льется через край.... А можно поставить точку, хотя и точки, вопреки смыслу этого слова, тоже бывают разные – резкие, тягучие, острые, текущие.... Теперь выбор за ним. И о Господе Боге он помнит, и о канистре из сна не забывает. Если уж свобода – то для всех и до конца. А концы – в воду. Вода – в песок...

Стук в дверь. Мукумба. В одной руке держит тарелку с темным куском жареной рыбы, в другой – стакан с какой-то бурой жидкостью. Опасливо покосился на холсты и доски и сказал с порога, не решаясь войти:

– Вот, пробуй, мбана. Твоя плох чувуй? Вечера вчером всяй ночь сам собой говарилсЯ. ЭтЯя рыбаба. А это наша напитокка, моя деда собирает трава. – (Он когда-то несколько лет учился в Москве, где и овладел уморительными азами русского языка. Вообще-то его дед-шаман и отец-партработник решили отправить его на учебу в Париж – шаман собрал деньги с племени, а отец провернул все дела с документами, – но прямо в Сорбонну не вышло, надо было поклониться Кремлю. После Сорбонны Мукумба получил место в Германии и вел в университете семинар по истории Африки.) – Давайся-вставайся! Рыбаба кушати.

– А ты сегодня что, без подружек? – спросил он через силу, с неудовольствием поглядывая на рыбу, от запаха которой стало тошнить.

– Завтри, завтри прихожут.

К нему иногда приходят атласно-черные студентки – одна с печальной мордочкой и пепельными глазами, другая – полная и веселая. Приходят они якобы по делам, выпячивая папки и тетради: иду, мол, заниматься – но в ванную шмыгают почему-то в его халате.

Гио как-то пошутил, что не мешало бы, чтобы они как-нибудь перепутали двери, на что Мукумба ответил, что он вообще не понимает, как можно спать с белыми женщинами, что это потеря времени, а когда Гио сообщил ему, что вообще еще не был с негритяжкой, то Мукумба засмеялся громче: значит, он еще девственник и не знает, что такое настоящая женщина, ибо нельзя сравнивать черствый сухарь со свежим хлебом.

– Эта, худенькая, что к тебе приходит, очень приятная девочка, – вспомнил он, чтобы что-нибудь сказать, и отхлебнул горьковатый напиток. – Я раз поздоровался с ней за руку – у нее кожа такая шелковистая, как замша.

– О! – сказал Мукумба. – Я ей оченана люблю. Когда уехиваю, она плачется.

– Она верна тебе?

– Да, мбана.

– А что делают у вас с женщинами, пойманными на измене? – с интересом спросил он.

Негр улыбнулся:

– Что хотиши... У нам черны Африк люди глупы, женчин как коров коза цена. Всяки делать...

– Ну что? Например?

– Ноги ломать, саванна бросивать. Иля земли живой копать. Иля камняня бить. На деревью весить, кусочка-кусочка режить... Или на мешка – и на вода...

– А не сжигают? – спросил он, вспомнив о канистре. – Огнем?

– Ведьмама да, мбана, – убежденно ответил Мукумба.

– И много ловят?

– Мног, мног, – повторил негр. – Там людя нет читать-писать, веривают на черту, на шайтану, мертвы кушивают...

– А как их отличить – которая ведьма, а которая нет? – продолжал выспрашивать он, чувствуя, как бодрящий напиток освежает изнутри горло и душу.

– Ведьма глазза светит.

– Э, у всех светятся, если им хорошо. Особенно в постели.

– А чего, заболела?.. Вечера вчером я на стенка слышу, как твоя сама собой ругал.

– Это от одиночества. Ты тоже, я вижу, не очень весел. И очки треснуты.

Мукумба невесело усмехнулся:

– Вечера вчером чуть-чуть полиси не пошелся.

– Как так? Ты же спокойный человек?.. И не пьешь как будто?..

Негр присел на край стула и взволнованно поведал о том, что одна дама-немка из Отдела эмиграции пригласила его пойти на дискотеку. Хотя он таких мест и сторонится, но он все-таки пошел (ему что-то было надо от неё). А в перерыве, чтобы выйти, надо печатать на руку ставить. На контроле стояли какие-то верзилы. Три или четыре раза они ставили ему печать и с хохотом говорили, что не видно, потому что кожа слишком черная.

– Вот! Вотата! – Он вытянул руку, где, правда, виднелись какие-то слабые чернильные следы (кожа была очень уж темной и лоснилась, как баклажан).

Начали они над ним издеваться и спрашивают, может, есть где-нибудь более светлые места, где было бы видно?.. Дама уже вся красная. Публика смеется. Кто-то из толпы советует печать на нос ставить. Хохот. «Угроздило же тебя таким черным родиться, – говорит один из вахтеров, – вон, кажется шея чуть светлее, давай туда шлепнем», – а второй наглец добавляет: «Нет, пусть лучше он штаны спустит, очко-то у него точно розовое!» Ну, Мукумба и кинулся на него...

– Не может быть. Немцы бы такое себе не позволили.

– Не немца был, мбана, а румынца или сербца. Тут Бабилон теперся, – возмущенно начал Мукумба, но запнулся и перевел разговор, указывая на «Беса»:

– На африк-маска такой. У нам такой магия хорошо, гуд... – Исподволь оглядел стены и заторопился уходить: – Если что-то-то – стучай на стена!

«Стучай на стена!.. – усмехнулся он, когда негр ушел. – А лучше – бейся башкой – может, духи цемента услышат, помогут...»

Мукумба, черти, Бабилон...

Он отхлебнул еще. От негритянского напитка стало клонить в дрему.

«Уж не опиум ли дедушка-шаман туда кладет?» – понюхал он горький отвар, от которого стало как-то теплей.

...Да, у него тоже есть свой Вавилон – тост «за башню», который любили проносить во дворе соседи, когда садились за общий стол на праздники. Начинал, как всегда, дядя Михо:

«В древности Тбилиси был город, в котором всех и всего было поровну – и счастья и несчастья, и людей и зверей, и еды и питья. Если, к примеру, три человека входили в город, то с другой стороны тут же три человека обязательно выходили... Бог любил наш город и хотел, чтобы в нем всего было поровну...»

«И цыплят? И котят?» – уточнял какой-нибудь малыш.

«И цыплята, и котята были у бога на полном учете! – Дядя Михо в душевном порыве погружался в детали: – Вон, видите, кошка наша сидит, Писунья?.. И да же последняя кошка стояла у бога в ведомости!.. И если кто-то умирал – то в ту же секунду рождался другой. И что самое интересное – все говорили на одном

языке. Общий язык! Все понимали друг друга, а значит, и любили!.. И люди, и звери!.. Но вот однажды, когда любовь стала очень уж сильной, посмотрели люди вокруг и видят: всё хорошо, всё спокойно, все дружно живут, работают. И решили тогда люди и до неба дойти, чтобы и небо было ихнее...»

«И с богом познакомиться?» – предпологал другоймышлёныш.

«И это тоже, – соглашался дядя Михо. – И вот начали они строить башню. Хотят посмотреть, как дела на небе, все ли в порядке, то да се, с ангелами поздороваться... Да... И так хорошо строили!.. Все вместе!.. Не то что людей – ослов и быков не надо было понукать: они сами носили грузы. Верблюды месили в бочках раствор. Кони копытами колотили щебень. Кошки пекли лаваша. Собаки жарили шашлык. Коровы сами доились и хвостами сбивали масло и сыр. И вот так хорошо они строили, что бог увидел это сверху и испугался: вот, думает, люди сюда залезут и меня на землю стащат или, чего доброго, вообще убьют – от них всего ожидать можно. И он, испугавшись, взял да со злости и разбил общий язык на много-много разных язычков, чтобы люди перестали понимать друг друга. И что же?.. Стройка тут же накрылась, материал растащили, быков разворовали, собаки и кошки разбежались кто куда, и овцы стали бродить без хозяев, пока их не перерезали волки. И начались с тех пор войны, склоки и драки – что чьё, что куда и что откуда. А бог сидит себе наверху в безопасности и радуется...»

«И стало всё совсем не поровну», – вставлял в жесткой винной угрюмости дядя Васо, на что дядя Михо тоже довольно жестко отвечал:

«Да, может быть. Но у нас во дворе всё будет по-прежнему. Как было. Поровну и по-братски. Если у тебя нет – я тебе дам. Если у меня нет – ты мне дашь. Если у него нет – мы ему дадим...»

«И Писунии дадим?» – спрашивал самый маленький, играя с кошкой.

«И ей, обязательно, а как же: она же с нами живет, мышей ловит, пользу приносит. Пису, Пису, Писунья!.. Вот, дай ей этот кусочек!.. Так жили наши предки. Так и мы должны жить. А что творится там, в сумасшедшем мире, – нас не касается. Тут (дядя Михо тыкал в землю, вызывая интерес детей к травинкам меж камней, на которые указывал его волосатый палец) – тут, в этом дворе все должно быть поровну, по-братски и по-человечески. А ну, за Тбилиси! aba, Tbiliss gaumar...»

«...jos!»⁶, – хором договаривали все, сдвигая бокалы в единый букет.

А потом шли долгие дворовые предания: о том, как один сосед-меньшевик прятал у себя соседа-большевика, а потом наоборот; как во время войны кормили и поили в подвале немецкую семью из Болниси, пряча её от выселения в Сибирь; как чей-то дядя вынес из огня чью-то бабку; как летом ночью во двор влезли с улицы воры, и больная старуха Амалия, сидя в бессоннице у окна, застучала крышкой от горшка и закричала громовым голосом: «Ружье заряжено, стрелять буду!» – чем обратила воров в бегство.

Когда доходило до рассказа о том, как в молодости на охоте дядя Васо спас дядю Михо от раненого вепря: «Вот так зверь стоял, я дал из двух стволов – один жакан в голову, а другой прямо в сердце!..» – было ясно, что назрел очередной тост – за хорошие воспоминания.

...Всё это в прошлом. Сейчас же – темнота, и страх, и мрак. И *любливая люблядь*, с которой надо кончать, но нет ни сил, ни мужества, ни воли.

В безысходности он смотрел на свои работы... И неожиданно для себя стал мысленно (а потом и вслух) просить у них помощи:

«Спасите!.. Помогите!.. Верните её!..»

Другой защиты и надежды ждать в этом холодном мире было неоткуда. И нет поводыря, даже слепца, чтобы уцепиться за него и ползти дальше... А как было

⁶ Да здравствует Тбилиси! (груз.)

бы хорошо, если бы открылась вдруг дверь и вошел кто-нибудь сильный, всевластный, и сказал бы:

«Ну, чего тебе надо? Говори, всё исполню!»

Да, он бы тут же подчинился ему, и пошел бы за ним, если бы видел свет... Это же так правильно – идти за тем, кто ведет!

«Я не могу без неё! Без неё нет жизни! Помогите!» – молил он до тех пор, пока одна из досок не сорвалась с гвоздей и не грохнулась об пол.

Тогда он в испуге съезжился и затих, свернувшись, как зародыш.

Напиток грел все сильнее. Жар растекался по телу. И привиделся опять Варази, который всегда очень разъярялся, когда его спрашивали, почему он так мало работает в последнее время.

Авто вскакивал на жилистые ноги и вопил, слепо поводя руками:

«Писать?.. Бороться с Богом?.. Я еще не сошел с ума!.. Что я могу дать людям такого, чего Бог не дает?.. У Него и лазури в избытке! И охра есть! И кадмия достаточно!.. А вы, великие мазилы!.. – подступался он к углу комнаты, где его ждала обычная компания. – Да кто вы все такие?.. С Богом тягаться вздумали?.. Посмотрите на себя – пьяницы, убийцы, игроки, наркоманы, психи и маньяки, с кем вам спорить – с Богом?.. Не только уши вам отрезать, а головы поотрывать не помешает! Вот ты, Гойя, открыл людям наши сны – зачем?.. Предатель, иуда!.. – Пиналась бутылка. – Ты, Босх, водился со всякой нечистью и исчез в огне! – Бился стакан. – Ты, столетний Тициан, научил нас обходиться без кистей, писать пальцами – вот краски, вот рука, вот холст! Но если в магазине нет красок, то чем прикажешь писать, уважаемый Тициан?.. Своим дерьмом?.. В моче разводить, а хером царапать, потому что кистей в продаже тоже давно нет?.. А?.. – саркастически повернув ухо к углу комнаты, хитро вопрошал Авто. – Не завезли большевики краски. Нету. Не нужны пролетариату краски. Вначале сталь, чугун, пшеница, а потом уже краски и кисти. Как без красок рисовать, дорогой учитель?..»

Не получая ответа, Авто кидался на мнимого Тициана. На шум приходил сосед, толстый добрый Абессалом, говорил:

«Хватит, Авто! Мой хороший, мой золотой, не гневи Бога! Вот жена хачапури испекла, поешь, не нервничай!»

И Авто сникал, утихал, вползал на лежбище и просил пойти за вином, которое единственно примиряло его с несносной жизнью, из которой постепенно исчезли краски, кисти, деньги, здоровье и здравый смысл. Кто-то бежал в магазин, где продавец Гивия кивал головой:

«Слышу, слышу. Авто сердится. Святой человек! – Из отсека холодильника-морга выставлялось вино, сгущенка, сыр или «сайра»: – Вы его покормите, а то он всё время пьет и не закусывает! Святой человек!»

...«Всё любить, что пишешь, говорил Варази. Значит, если я Страшный суд захочу рисовать – я чертей и ведьм полюбить должен?.. И разве нельзя писать то, что ненавидишь?.. Или ревнуешь?.. Как у Гойи или Босха. Надо написать её портрет и сжечь...» – опять начало мутиться в голове.

Вряд ли есть аргументы против измены. И невозможно внушить, что ты – самый лучший и другого не надо, если она этого не чувствует. Женщины независимы, как кошки, ходящие по острию своих вавилонских инстинктов, а мужчины внушаемы, как собаки... Да разве это ее вина, что она оборачивается по сторонам, ищет кого-то?.. Можно ли птице запретить петь или рыси охотиться?..

«Ты ее больше не любишь, раз можешь так рассуждать! – сказало что-то в нем. И добавило, ее голосом: «Финита, точка, конец!»

«Неужели?.. – как рыба в садке, затрепыхался ужас. – Уже все, конец?..»

А что-то другое отвечало:

«Почему? Зачем? Как?»

«Конеч, ты этого просто не понимаешь, не хочешь понять!» – говорила логика жизни.

«Нет, это только начало!..» – упрямо твердила несчастная любовь.

9

23 декабря 1996

Устав от суеты, гостей, разговоров, чаепитий, в плохом настроении я лежала на диване в своей комнате на втором этаже. Рождество завтра, а совсем не весело. Снизу слышна вялая перебранка родителей. Да и о чем им говорить?.. Им уже давно не о чем говорить. И так все сказано и переговорено.

Мать становится все капризнее и грубее, без конца пьет кофе и вино, а отец – все покорнее и тише, с пивом встает и ложится, потолстел, отяжелел. Спят они тоже порознь: мать – одна на двуспальной в спальне, а он, бедный, на диване у себя в закутке. У матери есть любовник, а отцу его пассия дала отставку (это рассказала Доротея – в маленьком городишке всё всем известно).

Я люблю папу, мне жаль его. А мать раздражает и злит. Сейчас меня уже не проведешь, я сама опытная. Сейчас я ее насквозь вижу. Женщина, баба, самка. Во всем. Вот так, мама. Раньше я была девочкой, а теперь, как и ты, женщина.

Недавно *варвар* возмущался, что в немецком языке слова «девочка» (*das Mädchen*) и «баба» (*das Weib*) – среднего рода: «Как это может быть?.. Это же противоестественно!» Тут, говорит, глубинное презрение германцев к женщине – к среднему роду низвели..

Я ответила тогда:

«А почему слово «мужчина» кончается на женское окончание «а» в русском языке?»

«Ну и что, что кончается?.. Род-то у него мужской остается. И даже очень – от слова «мужичина», то есть огромный здоровый мужик, произошло. А вот как это в немецком языке слова с уменьшительными суффиксами все автоматически переходят в средний род – ты можешь объяснить?.. Как может «стол», мужского рода, «*der Tisch*», менять свой род и становиться «*das Tischchen*» («столик»)? Или «лампа», женского рода, «*die Lampe*», превращаться в средний род – «*das Lämpchen*» («лампочка»?.. Это же маразм, нонсенс, извращение!».

Ну, пусть так. Пусть мы, немцы, извращенцы. Но, может быть, в этом «*das Mädchen*» заложено, как раз наоборот, большое уважение к девочке, её почитание: мол, такая маленькая, что даже как на женщину *еще* нельзя смотреть – ребенок, дитё, поэтому и средний род?.. Страх за детей?.. Да, но почему тогда баба, «*das Weib*», среднего?.. Может быть, потому, что на бабу уже нельзя смотреть как на женщину, на даму?.. Нет, тут что-то другое... Во всяком случае, нечего над русскими смеяться – своих глупостей хватает.

Вот бабушка недовольна, говорит, что пора закрыть границы: все долги отданы, дайте нам спокойно жить в своей стране. Уже всюду чужая речь – в автобусах, в магазинах, на улицах, в кафе.

С другой стороны – с нашими умрешь от тоски. Не было б *мачо* – что бы я последние несколько лет делала?.. С ним всегда было так интересно!.. Глупая ослиха!.. Может, он великий художник, а ты его мучаешь!.. Хотя, говорят, чем больше их мучить – тем лучше они творят. Вот русских мучили всегда, зато какое искусство у них появилось: Толстой-Достоевский, Чехов-Пушкин, Стравинский-Кандинский, Малевич-Растропович, Барышников-Калашников... Я много чего знаю, я совсем

не толстая глупышка и злобная кубышка, как дразнит меня *мачо!*.. Впрочем, он над всеми издевается, не только надо мной!.. Пристал недавно:

«Почему нет ни одной достойной великой женщины в науке и искусстве, а великими называют только самых великих блудил?.. Сапфо, царица Савская, Клеопатра, Екатерина, Медичи, Борджиа?.. Пусти женщину во власть – она тут же и покажет себя... Сразу всю страну в лосины оденет!»

«Лосины» – это я знаю: это Катарина фон Анхальт-Цербст русских в такие трико одела, чтобы пенисы видеть... Очень даже неглупо... Конечно, бабушка права, что мужчины куда счастливее нас, потому что они сразу видят нас, женщин – и лицо, и фигуру, ноги, грудь, – а что мы о них можем знать, пока досконально не попробуем?.. Пока в штаны к нему не залезешь – неизвестно, стоит ли начинать. Но этого мало – его еще надо в постели проверить: а вдруг он гомик, слабак или садо-мазо-кролик какой-нибудь?.. Что же это значит: с каждым в постель ложиться на проверку?.. Нас проверять нечего. Сколько у мужчины сил – столько и у женщин найдется. От них все зависит. И все они разные, как это *варвар* не понимает!..

Нет, они доминанты, всегда думают, что умней. На самом деле я не меньше училась, не меньше знаю. И прилежней многих была!.. И языками владею, и книги читала!.. Бабушка заставляла, по театрам водила, на музыку гоняла и английский заставляла учить, хоть и ворчала, что проклятые англичане много хуже русских: всю Германию разбомбили, когда уже война была окончена и один беззащитный народ остался на дорогах. Люди-то при чем?.. Они сами от Гитлера больше всех страдали. Кому понравится, когда по воскресеньям партийный патруль по домам ходил и куски мяса в супе считал, чтоб никто лишнего не ел, а излишки в партийную кассу отдавал?.. Было и такое.

Мысли опять начали сползать в скользкое неуловимое сегодня, и что-то надо было решать. А что – неизвестно. «Неужели ты не можешь понять, с кем ты хочешь быть, дура ты, дура?..» – ругала я себя, удивляясь своей черствости, но упорно и тупо думала только о том, что лучше всего было бы сохранить их обоих. «Зачем издеваться над сумасшедшим старичком и рассказывать обо всех этих мужчинах-одноночках?.. Зачем?.. Чтобы сделать ему больно?.. Показать, что и я способна на многое?.. Показать свободу?..»

И отвечала сама себе:

«Да просто поделиться!.. Он же не только мой любовник, но и друг?.. Иногда я хочу рассказать ему что-то, что со мной было. Но он ревнив, ничего не понимает. Что же делать?..» Нет, так просто порвать с близким человеком – непорядочно, неправильно и непростительно.

А мучить его – простительно? Может, я действительно просто садистка?.. *Варвар* меня всегда, то в шутку, то всерьез, *фашисткой* называл, да еще дядей Паулем попрекал – на свою голову я ему про него рассказала!.. Да как дядя Пауль кончил свою жизнь?.. После войны спрятался в подвал и больше оттуда не вышел. Бабушка опускала ему каждый день корзину с едой, свежие газеты, пачку сигарет и бутылку шнапса. Так он и сидел, пока ловили нацистов. А потом, когда перестали ловить, он всё равно не захотел выйти, там и умер. А он разве виноват, что в СС попал?.. Кто тогда кого спрашивал?.. Я боялась в детстве подходить к люку в подвал, где он сидел. А бабушка объяснила мне потом, что у дяди Пауля было много грехов и поэтому он стал монахом. А мама ворчала, что он просто умер от шнапса и курева.

Да и хватит уже нас попрекать войной, пятьдесят лет прошло. Мы же другие люди. Ну при чем я – и дядя Пауль?.. У него своя жизнь, а у меня – своя: моя, личная, приватная, частная, скрытая, тайная... Я же не виновата, что не родилась, как бабушка, сто лет назад?.. Может быть, тогда и мне бы пришлось в какой-нибудь зондеркоманде служить, кто знает?.. Вот была же тетя Грета медсестрой в

гестаповском лазарете?.. Если бы я родилась сто лет назад, тогда бы я была бабушкой, а моя мама – моей дочкой. Смешно! Тогда бы я, наверное, запрещала ей надевать мини, как это она делала со мной. Сейчас уже всё, никто ничего не запрещает – этого еще не хватало.

Тут я вспомнила о подарке, который сделала сама себе к Рождеству. Захватив сумку, перешла к зеркалам и села между ними.

Одно зеркало принес и прибил к стене еще сосед Юрген, мой первый (он меня до сих пор любит, и я его тоже). После школы, каждый день, мы прятались с ним тут, у меня в комнатке – родители были на работе, а бабушка готовила внизу еду и думала, что мы делаем уроки. Если ей вздумывалось забраться к нам, она так долго скрипела по лестнице, что мы успевали привести себя в порядок... Да мы особо и не раздевались... Тогда я научилась кончать тихо, без звука, как бы внутрь, в себя. Многие потом из-за этого не верили мне, думали, что я холодная или фригидная (они всегда этим озабочены, им обязательно крики и стоны подавай).

Второе зеркало-трюмо подарил отец, сказав, что я настолько красива, что должна видеть себя со всех сторон. Раньше он часто поднимался сюда и подолгу молча рассматривал меня, что раздражало.

С тех пор я так и сижу между зеркалами, привыкнув к себе не только лицом, но и спиной. Спина у меня красивая. А на трюмо можно еще два боковых зеркала открыть и в профиль на себя смотреть, чего я терпеть не могу.

Снизу голоса родителей. С детства одно и то же: недовольный, брюзгливый голос матери и виноватый – папы. В чем только не упрекала она его!.. Бедный он, бедный!.. Она в банке зарабатывала намного больше него, ездила куда хотела и с кем хотела, несколько раз была уличена в изменах, но всегда поворачивала всё так, что папа еще и оказывался виноват.

Наконец она поставила дело таким образом, что выходные, праздники и отпуски она проводит где-то с подругами или «с подругами», а он тщетно трезвонит ей по мотелям-отелям, не находит ночами и упрекает по утрам, мол, где и с кем она была и почему никто не брал трубку в пять часов.

«Бедный, раньше мать только за глаза, а сейчас и в глаза называет его Вторсырье! – с раздражением думала я, вытаскивая из сумки коробочку с контактными разноцветными линзами. Отец заведовал цехом на фабрике по переработке бумаги, и мать, договариваясь о каких-то встречах, называла его не иначе как этой глупой кличкой:

«Пошли обедать к итальянцам, Вторсырье сегодня занят на фирме... – или: – Поедем на выходные на Лаго Маджоре, без Вторсырья и твоего Кабанчика, разумеется...»

Бабушка, слыша эти разговоры, качала головой и шептала:

«Да, прошли те времена, когда для женщин было три дела на свете: дети, кухня, церковь. Знаем, в каком банке она устаёт!»

Теперь бабушка лежит в больнице, умирает от рака. И знает об этом. А когда бабушка умрет, они останутся тут совсем вдвоем: яростная, злая мать и тихий, покорный папа, виноватый в том, что осенью идут дожди, а зимой наступают холода.

Я долго и неумело ковырялась с линзами – роняла их на стол, теряла в пузырьке. Линзы были тонкие, почти невидимые, назывались «Неделя», их было 14 штук, по паре на каждый день, семи разных цветов. Выбрала зеленые. Без опыта с ними трудно – они соскальзывают, падают, но я упорно смачивала их раствором,

раскрывала пальцами веки, и, наконец, вставила. Глаза засветились зеленым – стеклянно, но ярко.

Я вытащила из сумки короткий черный парик и натянула его на голову. Из зеркала смотрела зеленоглазая брюнетка-незнакомка. Я натянула кожаную мини-юбку и, босая, спустилась в гостиную. Папа замер на месте, а мать захлебнулась на полуслове:

– Это что еще за цирк?

А папа повторял:

– Потрясающе!..

Довольная, я вернулась наверх. Неплохо в таком виде явиться *зверю*. Смена вида – это важно. (Сплетничала же вчера мать по телефону, что чей-то муж, измученный многолетним супружеством, купил в секс-шопе маску и под видом игры стал натягивать ее на жену, что подстегнуло их угасшую постель).

Усевшись между зеркалами, я сменила линзы и парик – теперь голубоглазая шатенка сидела передо мной. Париков было два – черный короткий и кудрявый коричневый. Их я купила еще раньше, чтобы надевать во время вояжей с Ингрид, но так ни разу и не надела.

– Как вас зовут, девушка? – спросила я вслух. – Никак.

Скинув халат и стянув трусы, встав одной ногой на стул, я стала всматриваться в зеркало... Я любовалась собой, выгибая спину, потягиваясь, поддевала рукой груди. Я любила свое тело, а особенно груди, Ханни и Нанни... Они, как две сестры одной мамы, которая тут внизу, в серединке...

– Хочешь кофе с пирожным? – позвали снизу.

– Нет, спасибо! – Я накинула халат и перебралась на диван.

Напротив дивана висит работа *варвара* «Осень»: грубое сине-голубое небо с грустными потеками, облака из ниток и веревочек, узкая полоса чего-то очень яркого, бурая земля в буграх и бородавках, а по небу летят стальные птицы-скрепки.

Я помню, когда он делал ее... Тогда нам было хорошо. А когда нам было плохо?.. Ведь все это ерунда, эти ссоры и споры, это же не главное. Душой он совсем ребенок – все принимает близко к сердцу. Ну нельзя же верить всему, что написано или говорится просто так!.. Как-то мы видели на галерее надпись: «*Мы сделаем из ваших картин больше, чем они есть*». И он возмутился, говоря, что это наглость: как может мизерный галерейщик сделать из картины больше, чем она есть?.. И сколько я ни говорила, что это просто реклама рам, он не соглашался, твердя, что стрелять таких гадин надо.

Или начинает подробно отвечать на простой вопрос «как дела». Надо ответить «хорошо», а еще лучше – «очень хорошо», и дело с концом, а он – нет, рассказывает, что и как у него. Кому это интересно? Это даже и невоспитанно как-то: у нас не любят о чужих проблемах слушать – еще, чего доброго, до просьб денег дойдет, а это уже точно никому не надо. Он во многом еще ребенок. Да еще выросший там, за стеной. Но с ним интересно, он знает такие странные истории, говорит о таких вещах... А его картины?.. Я не могу без них. Я знаю каждую точку, штрих, слезу...

Да, порой он груб. А Курт, наоборот, слишком уж ласков, до приторности, это тоже мне нравилось только вначале... И притом я подозреваю, что Курт просто хитер и выведывает мои слабые стороны. «Интересно, а как он будет реагировать на известие о *мачо*?.. Тогда, перед отъездом, он просто перевел разговор на другую тему...» Ингрид говорила, что он интересовался, богаты ли мои родители и есть ли у меня братья-сестры, то есть – кому останется родительский дом. Да он просто выгожник и лгун! И всё, о чем он болтает, меня мало волнует.

А с варваром мы никогда не лгали друг другу, не играли в кошки-мышки, а вот с Куртом почему-то не очень хочется открываться, несмотря на его стерильную приветливость – он-то уж точно не забывает желать и сладких выходных, и тихих ночей, и даже счастливого полдня. В нем много ложного и обманчивого. А в *зверь* все настоящее, дикое, буйное. Недаром *зверь* уверен, что настоящего секса, с потом и кровью, не бывает без агрессии, злости и даже ярости.

Да, он бывает порой агрессивен. А что он сделал, когда первый раз узнал, что я с кем-то провела ночь?.. Мне дал по уху так, что серьга улетела в окно, а потом разнес всю комнату. Хорошо, что я успела убежать... А когда вернулась, то обалдела: тарелки перебиты, постель изрезана, над ней – огромное пятно от кетчупа, которым он запустил в стену; обломки, осколки, сорванные занавеси, разбитый магнитофон. Радио засунул в унитаз, а в ванной умудрился вырвать из крана шланг!.. Да... Я переночевала у соседки, а ему потом сказала, что всё снято на видео, есть свидетели, и если он за три дня не приведет комнату в прежний вид, то я заявлю на него в полицию и ему, как иностранцу, придется покинуть Германию. Всё сделал и пальцем с тех пор не трогал, но языком донимает без конца. Вот дурачок!

«*Ручной зверь!* – с умильной нежностью подумалось мне.

Бесцельно поворошила плюшевые игрушки на постели. Вот Белло – одно ухо надорвано, а глаза-пуговицы все так же преданно смотрят на меня. Очень давно я получила Белло от Юргена. Белло всегда со мной. И *зверь* будет всегда со мной. Это же ясно, что без него я не в состоянии жить. Без него и без его работ, самая любимая из которых – угрюмая черная гора (из моих окаменевших в клее комбинации, трусов и лифчика); она вздымается над белым кружевом реки из ажурных чулок, а на островке стоит на одной ноге печальная птица из пружинки и винтиков. «Человек одинока», – объяснил он ее. И мне всегда становилось печально, когда я смотрела на неё.

Ведь и он тут одинок. Его родина далеко, а он тут совсем один... А я так мучаю его...

И слезы навернулись на глаза так обильно, что я едва успела снять линзы, чтобы не потерять их в слезах. «Он любит меня, а я люблю его. Я должна быть с ним. Мы должны быть вместе».

10

После недельной сидки и лёжки с коньяком и водкой, после ночи в полусне он лежал на кровати и с усилием переворачивал так и эдак нехитрые, но противные замусоленные мысли о том, что надо встать, прийти в себя, что скоро Рождество, Новый год, люди рады, а он один, брошен, как ненужный пес...

Бес похмелья работал вовсю: деловито шуровал в висках, дрелью ковырялся в затылке, пилил лоб, царапал горло и колот багром темя. Хотелось пить. Вставить не было сил. Но надо встать, убить беса таблеткой с пивом. И опять в кровать, на лежбище.

Может быть, у Мукумбы чего-нибудь найдется?.. Хоть отвар дедушки-шамана, хоть питье самого сатаны, лишь бы не меньше 40°...

Он выбрался из комнаты и увидел возле двери пластиковый мешок, полный рыбьих скелетов и костей...

«Мукумба? С ума сошел?.. – осоловело подумал он о негре. – Вчера, кажется, он опять жарил рыбу... Или это я спяну принес откуда-то?.. Откуда же?.. Куда я ходил?.. В кафе за сигаретами, кажется... Как будто и скандальчик был какой-то... Может, там на кухне захватил?..»

Поворошив в мешке, он обнаружил, что там не только рыбы скелеты. Расстелив газету, высыпал. Непонятные позвонки, острые и колкие. Сухие клешни. Большие кости. Позвонки, похожие на говяжьи. Какие-то шипы с наростами. Обломки мозговых костей... Всё очищено и обработано и даже покрыто лаком. Светлые тона, от бежевого до перламутра. Игольчатая куча щетинилась на газете и была словно подсвечена изнутри, как алебастр.

В обалделой задумчивости он не спускал с костей глаз, с надеждой вспоминая, не сам ли всё это собрал, и в то же время зная, что нет, видит впервые... Если и собрал, то когда же успел выварить и покрыть лаком?... «Чертовщина какая-то...» Но материал был хорош: высыпать на железный черный квадрат, добавить цветных стекол, мелкого стального хлама и залить все это эпоксидкой...

Такие вещи хотел делать Авто Варази, когда потерял способность писать красками. Но сил уже не было, руки бились и тряслись. Он только складывал предметы в какие-то сочетания и накрывал их пустой рамой. Накроет, поймает, полюбуется, переставит. Опять поймает, как сачком. И так целыми днями. Предметов было мало – все какая-то старая ржавая дрянь, которую Варази зачарованно и любовно переставлял по полу или подоконнику. В рамке предмет приобретал совсем иной вид и смысл. А на стене висела его последняя и самая знаменитая работа, побывавшая на разных биеннале. Авто, как-то поутру, пытаясь одеться, вдруг увидел в складках джинсов силуэт лошадиной головы, тут же схватил гвозди и молоток и прибил джинсы к стулу, а сиденье выломал и повесил на стену. И очень гордился этой работой, хотя по пьянке неоднократно пытался сорвать джинсы со стены и напялить на себя, чтобы идти за очередной бутылкой.

Один раз наврезал из газет снимки членов Политбюро, уложил на фанерку и фломастером нацарапал «ВОРЫ В ЗАКОНЕ».

Абессалом, принеся ему харчо, возопил:

«Совсем спятил?... Чему молодежь учишь?... Забыл, как КГБ сюда приходил?... Все знают, что они – главные воры, но никто не болтает об этом. Что пишешь? В тюрьму захотел?...» – на что Авто захохотал:

«Разве мы не в тюрьме?... А жизнь что – не тюрьма? А тело – не тюрьма души? Мы всюду в тюрьме! И внутри, и снаружи!»

«Хорошо, хорошо. Но и в тюрьме надо кушать. Ешь, суп остынет! – уговаривал его Абессалом, усаживая за шаткий стол. – Ешь, мой хороший!.. Ешь, пока харчо горячий!» – со слезами помогал он ему овладеть трясущейся ложкой.

«Да-да, горячий харчо, хорошо», – соглашался Авто, смиренный логикой жизни, и, словно впервые, ошеломленно рассматривал ложку – так прекрасна была её строгая, скупая форма. Есть он уже не мог.

Но даже за столом, с газетным листом за майкой, похожий на морщинистого пионера, он не отпуская от себя свою рамку-сачок, время от времени накрывая ею что-нибудь. Вот поймал грязную рюмку, полюбовался. Накрыл солонку, посмотрел. Надел на бутылку. Потом ринулся к сдвоенным розеткам на стене («черные глаза»). Харчо – вдребезги на пол. Крик, шум, звон, гам. А он уже в ванной рамку к душу прилаживает, вполголоса ругаясь с Магриттом и в чем-то соглашаясь с «уважаемым Дюшампом»:

«Картинки – дым, воздух! Объекты – всё! И сгореть могут картины! Порваться! Сгнить! Всё может быть! – зловеще пугал он (у него самого часто пропадали и гибли работы). – Раз, папиросу кинул – и ничего нет, всё кошке под хвост, в голешки!.. Вон они, вон они!.. В углу шевелятся, тлеют! Затопчите их! – в испуге пялился он в пустой угол, где валялись ненужные шлепанцы (сам он давно ходил босиком). Кто-нибудь бежал в угол и яростно топтал шлепанцы: «тушил огонь». Авто успокаивался и продолжал: – А камень – не сгорит! А железо – не исчезнет!

Вон там, на подоконнике, пестик лежит!.. Пойдите накройте его рамкой!.. Пусть и он прогреется... А то всю жизнь мордой в чесноке и соли – каково?.. Он всё чувствует, как мы!.. Что у него за жизнь: постоянно башкой что-то долбить и толочь! Головой о медь! День и ночь! О, бедный пестик!»

Кто-нибудь накрывал пестик рамкой. Авто долго оценивающе смотрел на него. Вставал – худой, сутулый, небритый, в вислых трусах, – шел к окну, снимал рамку, передвигал пестик к ступке, накрывал их рамкой:

«Так лучше! Они – как муж и жена, всегда вместе. Вот вам объем. Вот вам фактура. Тут все есть. Рама все сделала. Вырвала из жизни и перенесла в поэзию. Есть только поэзия, все остальное – её жанры! Она – смысл жизни человека, если он не свинья и не скот! А художники – жалкие кривляки, обезьяны Бога. Кого дразнить вздумали?.. Ваше дело маленькое – на след красоты навести, как пес на дичь. Это можно, это хорошо, это надо!.. Всё остальное – не ваше дело!.. Дальше человек должен идти сам».

Часто Авто говорил, что его мечтой было сварить несколько огромных рам из чугуна, отвезти их куда-нибудь на природу, врыть в землю и смотреть сквозь нее на пейзаж. Весной – нежная акварель. Летом – яркое масло. Осенью – приглушенная пастель. Зимой – черно-белая графика. Живые пейзажи. Времени неподвластны. Живут, пока живо железо рам. А оно живучее, по миллиону лет не умирает. Вот тебе объем, вот тебе фактура. Рамы сделать под старину, узорные, массивные, огромные, 50 x 50 метров. Одну можно на утес водрузить, другую в реку хитро вставить, чтобы вода через край лилась. Третью, 1000 x 2000, напротив крестьянского подворья врыть и смотреть, как жизнь в ней шевелится...

... Он осторожно взял обломок шипа, осмотрел его, понюхал. Запах лака. Бросил его обратно и тихо отправился к соседу.

– Джимон, это ты мне кости подарил? – спросил он, просовывая голову в дверь и озирая привычный беспорядок: немытую посуду и одежду на полу, завалы тапочек и туфель, грязное постельное белье под раковиной.

– Костя? – заспанно переспросил негр. – Твоя костя барил?

– Пойдем покажу.

Они долго рассматривали кости и шипы. Мукумба, в полосатой пижаме, качал курчавой головой и протирал очки. От него несло кислым потом.

– Моя не давай... Твоя мбана сама, а потомапотом забывала? – наконец, предположил он.

– Как это?.. Я же еще не совсем того!.. – ответил он. – Да и где такие кости взять?

– Вседу. Ресторант, кафе. – Мукумба почесал в затылке, отчего вонь усилилась: – Знаеши, друга, мбана, уже пара день я смотрю следа на ванная...

Следов еще не хватало!

В ванной они действительно увидели неясные следы, петлявшие по белым плиткам. В коридоре их уже не было.

Негр поставил ногу рядом с одним из следов. След был мельче.

«Чертовщина!» Стало не по себе – кости, следы...

– Значит, не ты скелеты подбросил? – еще раз переспросил он, искренне желая, чтобы негр сказал «я».

Но тот отрицательно покачал головой и почесал волосатую грудь, свою гордость (в чем признался однажды: оказывается, у негров волосы на груди, как правило, не растут).

– Нет, что-та-та скелета?

– Надо уборщицу спросить.

На этом они разошлись по комнатам. Из-за стены тут же зазвучал гнусавый псалом.

«Колдун, шаман! – подумалось ему с неприязнью. – Он, он это кости подбросил! Кому же еще?.. Никто не приходил. Да, но когда и как он их обработал?.. Делать ему нечего, что ли?.. Или намекает на что-то?..»

Он усталился на кучу и явно увидел, что кости лежат не так, как лежали. Кто-то, казалось, сгреб их в отдельные кучки. Он обернулся, но никого в комнате не было. Из-за стены доносились высокие ноты.

«Джадо⁷ делает?.. Уже само слово какое неприятное! Таким словом только и проклинать! Но кто делает? Негр?.. Она?.. Джадоистка! С неё станет! Недаром около нечистой горы Брокен родилась!» – посмотрел он на потолок.

В джадо он верил твердо. Да и как не верить?.. У них во дворе жила старая Бабулия. Про нее шепотом говорили, что она может насылать и снимать джадо. Во двор часто приходили разные люди, звонили к ней, терпеливо ждали, пока она, стуча клюкой, шла открывать, и исчезали за дверью... А потом выходили довольные и веселые. Как-то привели женщину с обмотанной головой. Один раз принесли на руках ребенка. Другой раз видели, что к Бабулии приходили люди в военной форме и вели под руки обмякшего майора. Дети глазели на все это с большим интересом. В комнаты Бабулии они никогда не заходили – и она не приглашала, и взрослые запрещали.

Сама Бабулия из своей затхлой норы не вылезала, хлеб носили ей дети и передавали в окно. А если кто-нибудь со двора шел на базар, она просила купить ей сыра или курицу. Семьи у нее не было, пенсию она не получала, но деньги водились, и она всегда возвращала детям сдачу от хлеба:

«Купите себе что-нибудь».

А когда три дня она не открывала окна, то соседи взломали дверь и увидели, что она мертвая лежит на тахте под огромным портретом Сталина, а на шатком комодке стоят какие-то предметы: стеклянная мутная пирамида, шар из зеленого камня, перламутровый веер, проросший ячмень на блюде, карты со странными знаками, медное кольцо и несколько плошек, входящих друг в друга.

«Ведьма!» – сказал в сердцах дядя Васо и сорвал со стены портрет Сталина. А предметы со стола сгреб в мешок и выкинул в мусор, строго запретив детям входить в нечистую квартиру. Входить они не входили, но мусор раскопали и играли странными игрушками до тех пор, пока дядя Васо не унес их со двора и не бросил с моста в Куру.

На поминках тоже не обошлось без неожиданностей: вдруг сорвался жестяной желоб с крыши и упал прямо на голову дяде Васо; внезапно лопнула бутылка с вином, и один из осколков вонзился в раму окна, где обычно сидела больная Амалия, по случаю поминков вылезшая наружу; ни с того ни с сего начал скандалить тихий парнишка из соседского двора; неожиданно выкипел, застыв в комьях, поминальный плов «шилаплав» – хотя хозяйки не отходили от котла и мешали что есть сил. Вот и не верь потом в джадо!

...Он сидел, уставившись на игольчатую кучу костей на газете. Хотелось стать маленьким, счастливым и опять бегать по двору, лазать по крышам, подвалам и чердакам... Но, видно, прав был Варази, когда говорил: «Чем счастливее детство – тем труднее будет человеку потом жить, выдерживать грязь мира!» А вот к алюминиевым брусочкам кости лягут отлично...

⁷ От jado (груз.) – сглаз, порча

Вытащив поближе к свету начатую доску, он уложил её на пол и бегло, почти не глядя, разбросал по ней кости и шипы. Начал передвигать их так и эдак... Играя с костями и шипами, он старался не думать о своей тоске, гнал эти мысли прочь, но они, как голодные собаки, пристально смотрели прямо в мозг.

Переждав очередной визгливый пассаж соседа, он поплелся к нему просить чего-нибудь с градусами.

Негр сказал, что у него есть только водка, настоящая на живой змее (прислали из дома).

– Да хоть на мертвых пауках, лишь бы градусы были...

После змеиной водки в голове начало рассветать. Сидеть в кресле и глазеть на кости стало приятно и уютно. Где им еще место, если не тут, на этой бугристой земле с застывшей в ложбинках кровью!... В день ссоры с ней начал он эту работу, пусть будет и конец. Забыть. Забить. Избыть.

Вдруг он увидел, что один из шипов накрепко вонзен в доску. «Разве я втыкал его?.. Я же просто бросил их. Вот еще... И еще. И как плотно сидят!..» – удивился он, обнаруживая, что некоторые шипы и острые кости тут и там вонзены в дерево до упора, словно их забили молотком.

Он ошарашенно поднялся на ноги. Теперь ему почудилось какое-то движение на доске. Вот клешня шевельнулась... Вот позвонок поежился... Рыбий скелет будто дрогнул мелкой рябью... Кости передернулись. «Этого еще не хватало!.. Джадо!.. Порча!.. Колдовство!..»

Тут снаружи что-то тихонько стукнуло, как будто где-то прикрыли дверь.

Он выскочил в коридор и услышал, что в ванной выключили душ. Но внутри было пусто, хотя струйки воды еще бежали по стеклянным стенкам кабинки, а на зеркале пульсировало пятно. Какие-то маленькие следы вели к унитазу...

Он испуганно вернулся в комнату и заперся. Но в комнате сразу заметил, что стопки книг на подоконнике сдвинуты углами, как будто их кто-то только что внимательно просмотрел по одной. А на доске теперь уже все кости и шипы оказались так намертво всажены в дерево, что даже клей был уже не нужен. Он минуту обалдело смотрел на них, цепenea от страха и ничего не в силах понять.

«Дьяволиада, чертовщина, бесовня!..» Впрочем, ничего удивительного – эту доску он начал в день ссоры с *сидисткой*, хотел сделать ее портрет, а потом сжечь... А она – *ведьма*, недаром около Брокена выросла... Так и её надо залить гудроном памяти, чтоб застыла там и не мучила...

Когда они поссорились из-за этого большегубого перса, она еще не сказала ему о студенте-химике. А был ли он уже тогда?.. Впрочем, какое это имеет значение?.. Долго врать она не смогла бы. И не стала.

«А мог бы я с ней жить, не спрашивая, с кем она еще спит, и запрещая ей об этом говорить со мной: наше время – это наше время, а все остальное меня не касается?..» – спросил он себя.

Действительно, ведь то, чего ты не знаешь, – для тебя и не существует... Его нет. У немцев есть отличная поговорка: «Чего я не знаю, то меня не колышет!» Так зачем всё знать?.. Совсем ни к чему. Чем больше знаешь – тем противнее жить: многие знания – многие печали... Во всем так. А в любви – и подавно: там хорошие знания – не благо, они как бы само собой, ясное дело, как же иначе, так и должно быть; зато плохие вырастают до размеров пирамид...

Начало представляться, как это может быть: она живет своей жизнью, он – своей. Иногда встречаться, трахаться. «Как дела?» – «Хорошо. А у тебя?» – «Тоже, спасибо»... А что она там между встречами делает – его вообще не касается, в это время ее просто нет для него. По логике жизни выходило гладко и хорошо, логика любви хромала и жаловалась.

«Ищи теперь себе женщину!» – в сердцах повторил он её неуклюжий совет. Хорошо еще, что не сказала: «Сиди теперь и занимайся рукоблудием сколько влезет!» Что же, тоже выход... Отличное средство от любви. Станешь потом как Андерсен, который насмерть задрочился на свою Снежную королеву, Герду, Принцессу на горошине, Золушку...

Их просветил на этот счет один второгодник в шестом классе – на большой перемене повел всех мальчишек в туалет, выстроил кружком, сам стал в центр, вынул замусоленное фото и, расстегнув штаны и вытащив член, показал, какие движения надо делать. И все были удивлены, скоро увидев белую каплю.

«Больше нету, пять раз сегодня уже спустил, еле на ногах стою!» – гордо сообщил второгодник, спрятал карточку и дал задание купить у старика в киоске польский журнал «Экран», где на предпоследней странице обязательно будет фото бабы в купальнике; дома запереться в туалете, смотреть на фото и делать эти нехитрые движения: «Увидите, как хорошо будет!» – весело закончил он и поплелся на второй этаж – просвещать дальше.

С тех пор домашние задания выполнялись неукоснительно. В ход шли не только карточки и обложки журналов, рекламы чулок и фото спортсменов, но и античные сюжеты, репродукции (включая кающуюся Магдалину), снимки туземок из «Географии», рисунки из «Анатомии» и даже наскальная живопись. Гойя, Рубенс, Тулуз-Лотрек, Ренуар, Дега. Виртуозы доходили до Матисса и Модильяни. А кое-кто даже стал шастать в садик под горой, где стоял всеми забытый женский бюст с обнаженной грудью, которую можно было безнаказанно трогать и щупать, отчего бюст теплел и оживал – от женщины не отличить...

Допив водку и чувствуя, что сил прибавилось, он решил выйти на улицу, купить сигареты и выпивку. Побрел к остановке трамвая, не обращая внимания на ветер и слякоть. То принимался крыть и ругать *изменницу*, то отвлекался на что-то, чего раньше не замечал: взгляды влюбленной пары... тайные касания их рук... следы нищего... усталость в глазах стариков... отчаяние воробьев, бьющихся за крошку...

Уже в трамвае он почувствовал, что с ним что-то творится. С души как будто была содрана оболочка, и стало казаться, что он может слышать мысли людей... Сидят две школьницы. Одна думает: «Эту тройку она мне несправедливо поставила, половину задачи я решила...» – другая размышляла о джинсах, виденных в магазине.

«Ищи, значит!.. – зловеще повторял он ее слова, вылезая в центре. – Ну и поищем, их на свете много!.. Вот сколько их всюду!.. Призраки – те во мне, а на живых можно и посмотреть».

Вот тонкая девушка в легких очках, милая и застенчивая, осторожно пробирается в толпе, то и дело опуская лицо в открытый меховой воротник. В руках у нее скрипка, за плечом – рюкзачок с выпирающими углами нот.

Две солидные женщины выбирают на лотке апельсины, осторожно перекаладывая их ухоженными пальцами.

Вот бритая хипповка с зеленым ротиком и изумрудным хохолком, в шинели, сворачивает на ходу папироску из голландского табака. Глаза у зеленой ангелицы быстрые, цепкие, смотря вспышками, залпом проглатывая увиденное.

Важно движется томная блондинка с такой грудью, что пальто не застегивается на верхние три пуговицы. Она водит глазами не спеша и с достоинством. Уж она-то знает, что женская грудь приковывает к себе взгляды любого существа.

Вот низенькая худенькая дурнушка робко посматривает исподлобья из-под золотых очков, кусает губы.

И каждая же о чем-то думает!.. Вот была бы настоящая, полная и откровенная жизнь, с открытым забралом мозга, если бы все могли читать мысли всех!.. Вот

где Апокалипсис!.. Но люди наверняка научатся лгать даже в мыслях. Или станут мысли свои как-нибудь отсекают, скрывать от других.. Или какие-нибудь блокаторы выдумают, глушилки, давилки, хай-тэки всякие?..

Он застыл на углу. Да, он явно слышал мысли людей!..

Много монологов, но есть и диалоги. Некоторые мысли уходят вдаль, к неизвестным адресатам. Витают, зависают мысли ни о чем, о том, что видится, – аптека-улица-фонарь, трамвай-скамейка-урна-еще скамейка, сосиска-булочка-горчица, собака-витрина-дерево...

Мысли у многих отсутствовали вообще. У других уносились вспять или были сосредоточены на простом: идти по слякоти осторожно, не упасть... Воздух был наполнен гомоном и шевеленьем мыслей. Они визжали и гудели, шептали и роптали на разные голоса. Были тут и крики, и стоны, и видения постельных сцен, и столбцы цифр, расчеты, деньги, и женские бедра, и мысли о солнце и пляже... Даже собачьи бодрые думы и всплески воробьиных кратких грез были различимы в этой кутерьме.

А можно ли понимать мысли на других языках?.. Мысли цветов, деревьев, камней?.. Собак, кошек, птиц?.. Всего живого?..

Он стоял на углу, отдавшись нелепым фантазиям.

Потом что-то закрылось в нем: «Зачем тебе это?»

И вспомнилась турбаза в Гаграх, где они с мальчишками пару раз воровали из общих ящиков чужие письма и с любопытством читали их, но особого удовольствия не получали. Зачем знать чужие мысли?.. Это наверняка тяжело и страшно: жить в постоянном гуле, вечном жужжании, столах, охах и проклятиях!..

Побродив по городу, поглазев на огни рождественского базара и радостные лица людей, купив сигареты и бутылку виски, он понуро отправился пешком обратно и долго месил ногами грязь, забыв или не желая понимать, где он и куда идет.

11

25 декабря 1996

– Видно, весело вчера было?.. Просыпайся, полдень скоро! Ты одна?.. Как дела?.. Что нового?.. С кем поссорилась, с кем помирилась? Рассказывай!.. – разбудила меня Ингрид.

– Сама рассказывай!.. – буркнула я.

Спросонья я вообще не хотела говорить с ней. Её вечное дурацкое: «Ну, рассказывай!»... А расскажешь – так через пять минут каждая собака будет в курсе дела. Недаром бабушка всегда говорит: «Двое знают – свинья знает». Нет уж, буду умнее, пусть сама болтает...

Ингрид сообщила, что поездка в Египет прошла отлично. Была жара, они ели отбивную из крокодила и рагу из страуса, видели Сфинкса («такой щербатый, противный, скалится как-то по-спидовски»), осмотрели все камни, пирамиды и склепы («подземные каналы без конца, кому только понадобилось их рыть в такой жар?»). Катались на верблюде («вот уже на горбу пришлось ноги раздвинуть – так пришлось, чуть джинсы не лопнули!»). А в конце она даже переспала с молодым египтянином, который называл ее «Нефертити-блонд», без конца целовал щиколотки и запястья, подарил папирус с фараоновским сексом, а потом, представь себе, вдруг переспал и с Лизуном:

– Уже три года с ним встречаюсь, а не знала, что он – би!.. Вот видишь, какие они скрытные гадины!.. Хуже баб в тысячу раз. Во всём. С ними надо поостроже. Этот египтянин меня так смешил! Веселый был – просто прелесть. А тело такое коричневое, крепкое, гладенькое, а язычок такой быстрый, острый... До обморо-

ков доводил, макака... А шутил сколько!.. Даже рыба, говорит, начинает вилять хвостом, если ее за жабры взять. Они там по-французски и по-английски все шпарят. Женщина, говорит, как шампанское: в холодном состоянии сильнее пьянит и во французской упаковке дороже стоит. Рассказал, что негритянки очень неохотно ходят с неграми, которые чернее их. Как думаешь, правда?

– Откуда мне знать?

– Ну да шут с ними, у них там в Арабистане свои дела, а в Европе настоящий матриархат только начинается и нескоро кончится. У тебя как дела?.. Рассказывай!

– С бабушкой плохо. Рак, – промямлила я.

– О, мне так жаль, так жаль, – заныла она и с надеждой спросила: – Рак чего?

– Всего. Не знаю.

– А сколько ей? – с новой надеждой спросила Ингрид, но и тут не услышала ничего утешительного:

– За восемьдесят.

– О, мне правда так жаль, так жаль...Что поделаться, все там будем, кто раньше, кто позже.

– Она пока здесь.

– Ну, я так, вперед говорю... Я вот тоже чуть не упала с верблюда – спасибо, мальчики поддержали... Курчавые такие, веселые, на наших турков похожи... Их много там, в пустыне: верблюдов и ослов напрокат пускают вокруг пирамид, сувениры продают, услуги всякие предлагают, всё за доллар. Вот бы их в бордель в Карлсруэ...А ты лучше оставь своего *дикаря*, пока не поздно. Оставь его, вот Курт у тебя есть, золотой мальчик – и деньги, и машина, и квартира, и рост, и тело, и перспективы, и не такой псих, и всё как надо. А у этого что?.. Пшик, пустота, ноль!.. Что делать?.. Судьба. Забудь. Ты, вообще-то говоря, когда собираешься приехать?..

– Не знаю еще.

– Слушай, я в Каире сон видела – жуть!.. Будто иду по какой-то азиатской улочке, и вдруг какие-то люди без лиц хватают меня, напяливают мешок на голову, заталкивают в телегу и долго везут, и привозят куда-то, где явно много народу и звуки такие, как в опере перед началом.... Срывают одежду, ставят насильно на четвереньки и какое-то существо молча начинает меня насильовать огромным членом и сопит при этом. Кошмар!..

– Опять тигр? – из вежливости спросила я.

– Нет, это был не тигр, а какое-то другое существо... Никаких оргазмов – только страх и ужас!.. В Каире по ночам душно, поэтому и кошмарные сны... А может, это был и не сон...

– Как так?

– В тот день Лизун купил возле гостиницы какой-то коричневый порошок, мы его занюхали, и потом я плохо помню, что было...

– Ты же этим не занимаешься? – удивилась я (она всегда была большой противницей наркотиков и таблеток; «Секс должен быть чистым!» – часто повторяла она, отказываясь даже от бокала шампанского).

– Да, конечно, мне это не нужно, но эта ночь была такая веселая!.. Египтяшка осчастливил Лизуна, они были очень довольны, мы поехали кататься на тележках в город. Ночью народа было как днем, всё вперемешку: машины, ослы, торбаны, верблюды, продавцы, мужчины в балахонах, женщины в этих своих сари или что у них там... Мы покурили гашиш, которым нас угостил египтянин, потом Лизун хотел сделать ему приятное и купил этот чертов порошок... А потом не помню... Да, чуть не забыла: мы с клубом поездку в Карлсруэ запланировали, в мужской бордель. Тебе оставить местечко?

– Не надо.

– Почему?.. Поедем, развлечешься – часок-другой секса еще никому не повредил. От желающих отбоя нет. Сделаем вылазку всем на пользу. Главное – анонимность и чистота. Вот у нас в клубе один психолог утверждает, что сейчас секс ушел от традиционных поз и переместился в орально-генитальную область. Куннилингус в почете. Похоже на правду. Кстати, на лекции потрясающую новинку показал – женский презерватив. Уже видела?..

– Нет, откуда. Как это – женский?

– А вот платочки такие тоненькие, прочные, из тончайшей резины, для лесбиянок: накинешь на объект – и занимайся любимым делом сколько угодно, не боясь что-нибудь подхватить: защита гарантирована. Этих платочков и не видно практически, не почувствовать, как мокрая папиросная прозрачная бумага. А что поблескивают немного – так это самый шарм, вроде обложки журнала... Удобная, нужная вещь. Мы не удержались, попробовали. Очень понравилось. И душистые такие, и вкус у них разный – банан, апельсин, вишня. Чудо-платочек!

Мне показалось, что она все это рассказывает с каким-то умыслом. Стало неприятно. Я перевела разговор:

– Мне не до этого. Бабушке плохо.

– Ну какое имеет отношение бабушка к поездке? – искренне удивилась она.

– Жаль, что не понимаешь. Родители тоже ссорятся все время, как кошка с собакой.

– А ты могла бы с кем-нибудь двадцать пять лет жить?.. Тошно же!.. Недавно в одной компании жена напилась и кричит мужу: «Ты не оправдал моих надежд, ни в быту, ни в постели!» – каково им теперь?.. Он знает, что она его ненавидит за то, что он ее жизнь загубил, а она знает, что он знает. Вот и живи. А ты не будь дурой, пока не замужем. Поехали в Карлсруэ, посмотрим, что нового предложат жабоеды и макаронники. Кстати, психолог на лекции сказал, что помидоры имеют возбуждающее свойство и поэтому так и называются – «поммо де амур», яблоко любви!.. Ты знала?..

– *Мачо* очень любит помидоры. Все скучает, что они тут ненастоящие.

– Потому и потентен, сама говоришь. А наш европейский секс ненастоящий, потому что овощи голландские ядовитые и всякую генную хрень едим. Ты бы посмотрела, какие овощи и фрукты в Египте!.. И всё стоит полдоллара. Классно! Ну почему ты не хочешь с нами поехать в Карлсруэ?.. А, понимаю, тебе сейчас не надо, тебя сейчас двое обслуживают, понимаю... Или, пардон, даже трое – Юргена забыла, – съязвила она.

– Юрген сейчас в Канаде. И очень даже хорошо, у тебя столько же.

– Их надо использовать. И помни, дурочка: умные женщины всегда делают винегрет из правды и лжи, поэтому они неуловимы. Тут правды поубавить, тут лжи доложить – и готово! Резвись с кем хочешь, только по-умному! В сексе ум тоже важен. Впрочем, иногда у мужика в голове пусто, а в яйцах – густо. Или наоборот: в голове густо, а в яйцах пусто... Ладно, не скучай, диск у вас там хоть есть?.. Тогда всё в порядке. Больше оптимизма, детка! Мы круто погуляем в Карлсруэ! Пока! – и повесила трубку.

Круто!.. Классно!.. Крыша едет!.. Потрясно!.. Обалденно!.. Мне такие слова не нравятся, я стараюсь обходиться без них, хотя они иногда очень к месту... а многие, кроме них, ничего и не понимают...

Вот дура!.. Два любовника!.. А вообще-то было бы очень неплохо... Трое – это уже слишком. Это что же – из постели не вылезать?.. Ну а двое – это другое дело... У многих же мужчин – и жена, и любовницы. Почему же это у нас должно быть по-другому?.. *Мачо* – старый муж, а Курт – молодой... Они так дополняют друг друга!.. И почему нельзя быть и с одним, и с другим?..

Надо поговорить с Куртом и всё ему сказать. Поймет – поймет, нет – что же делать?.. Я скажу ему, что у меня есть любимый человек и так просто я расстаться с ним не могу. И не желаю. Это несправедливо, все должны быть в равных условиях. Пробное время тоже должно быть для всех. Теперь с Куртом надо сделать пробу. Посмотрим. Если скандалить начнет – очень жаль, один *мачо* у меня уже есть, второго не надо. А если воспримет тихо и спокойно и захочет второе место занять – тем лучше, сохранию и его, и *зверя*.

Этот выход показался самым простым и разумным. Курт должен понимать, что я не монашка, что у меня кто-то есть, что с этим надо считаться. Вообще иногда мне кажется, что эти восточные новые немцы ни о чем, кроме денег и карьеры, не думают... Как он противно оживился, узнав, что моя мама работает в банке, а у отца есть свой химический цех!.. Так и заюлил, засуетился!.. Было противно на него смотреть. И через каждые десять слов Бога поминает, а сам наверняка атеист, как они все там, за стеной.

Вот зверь о Боге не любит говорить, а как накинулся на какого-то русского эмигранта, с которым вначале пил водку, а потом поскандалил?! Эмигрант кричал: «Да какое кому вообще дело, что мы две тысячи лет назад казнили какого-то одного своего предателя?» А зверь погнался за ним с кухонным ножом и бежал пол-улицы, пока не подвернул ногу. Прохожие испугались, а когда узнали, в чем дело, испугались еще больше...

Мысли о *звере* не дают покоя все эти дни. Я хотела не думать о нем – и не могла: всякая потешная ерунда лезла в голову и отвлекала от главного: что делать?.. Даже видела его во сне: будто мы на концерте Карлоса Сантаны, и концерт уже закончен, зал опустел, мы стоим вдвоем обнявшись, и тут из-за динамиков появляется Сантана, коренастый, в расписном халате и банных шлепанцах, с повязкой на лбу, маленький, с жилистыми руками и копной курчавых волос. Он свистит нам, показывает пальцами знак победы «V», и эти два пальца вдруг начинают удлиняться, как рожки громадного насекомого...

...В полутьме не разобрать, который час. Ставни закрыты. Я потянулась включить лампу. Вдруг на лицо скользнуло что-то прохладное и легкое – словно птица привела крылом. Я в ужасе отшатнулась, в панике зажгла свет... Это было его письмо, которое я читала ночью. Это было невыносимо тяжело. Это была попытка – всё пережить с самого начала...

Я зажгла свет и взяла с полки шкатулку, где хранила его письма. Начала просматривать их... Вот первые... Тогда он еще пытался словами, на расстоянии, удержать меня от мужчин. Я невольно усмехнулась, перечитывая абзацы: «Ты молода и думаешь, что впереди много встреч с родственными душами, но их, поверь, окажется не так уж много – много меньше, чем ты ожидаешь...», «Не разменивайся, будь осторожна...», «Шлюх используют, но не уважают...», «Сила женщины – в ее скромности...», «Истинная красота таится в молчании, а дешевая подделка вопит и кричит...», «Достойная женщина не должна быть доступна...», а один раз даже прислал анкету, где надо было птичками ставить ответы.

Потом все советы и анкеты кончились. Очевидно, он понял, что все это не имеет смысла, и стал писать по-другому: «Делай что хочешь, твои отношения с другими людьми меня не касаются», «Наши отношения – это только наши отношения», «Ты – сама по себе, я – сам по себе». Да, писал и говорил он всегда так, а вот когда я пытаюсь рассказать ему что-то, то поднимает шум и грохот. А я вместе с ним посмеяться хотела, больше ничего... Подумаешь, перс!..

Что ему, жалко, что я развлеклась немного?.. Не по-дружески даже как-то... Сам говорит, мы друзья, а запрещает, как отец, брат или муж (хорошо еще, что отец мне ничего никогда не запрещал, брата у меня нет, а насчет мужа посмотрим).

То просит: «Рассказывай всё о себе, я всё хочу знать», – а как что-то скажешь, так скандал. Что же делать?.. Это у него любовь так проявляется, по-дикому...

Сам же рассказывал, как в детстве, шестилетним ребенком, чуть не зарезал соседскую девочку. То есть он хотел её любить, а не убить, но не знал тогда, как надо это делать. Летом они целыми днями играли в дворовом сарае в «доктора-доктора», как-то девочка разделась догола, он стал её шупать, она как-то изнемогла, расставила ножки; он весь загорелся изнутри, а когда увидел её пипиську, тонкую, как лезвие ножа, то понял, что он должен туда войти, но как и чем – не знал. И в диком порыве схватил с верстака отвертку, чтобы сунуть её туда... Но тут их нашли и с большим скандалом выволокли из сарая. Еще бы! В шесть лет! Она – голая, а он – с отверткой!.. Нет, я в шесть ничего такого не делала. Началось все позже, в двенадцать-тринадцать...

И опять привиделась угрюмая гора с одинокой птицей на стене его комнаты, где пахнет красками, клеем, холстом, ацетоном, деревом. Вчера ночью так тянуло к нему!.. Дверь внизу открыта, надо тихо подняться по лестнице, чтобы сосед не слышал (две ступеньки еще так громко скрипят), проскользнуть в комнату, а он уже ждет где-нибудь за дверью, за шкафом, среди железок и рам, пугает и хватает, и целует... Энергия, что ли, в нем какая-то особая?.. Вполне вероятно. Кто художников разберет, это же – люди наоборот, особый народ, поэтому с ними всегда интересно!..

А вот последнее его письмо. Оно было в ящике, я вынула его, когда шла на вокзал. В поезде, читая его, я не удержалась и всхлипнула так громко, что соседка по купе, очень душевная дама, испуганно предложила вызвать врача. Но мне не врач, а он нужен. Он – мой врач... Кстати, когда я бывала больна, он всё время сидел со мной. Не эта брехалка Ингрид и не кто другой, а он, день и ночь, и бегал в аптеку, и лечил, и оберегал...

«После последнего разговора моя душа лишилась своей важной части, ибо ты всегда была для меня не просто женщина, и любил я тебя не только как женщину, но и как человека. И я тебя никогда ни с кем не сравнивал и не смешивал, потому что когда по-настоящему любишь – то любишь человека целиком, а не частями и кусками. Вот ты жареных курочек жалеешь, за экологию борешься, а души наши живые топчешь с большим хладнокровием. Тебе известна моя жизнь. И в этой жизни у меня было одно-единственное солнечное окно – это ты. Сейчас оно хлопывается. И очень страшно заживо падать во мрак. Любовь так трудно вырвать и так легко убить!

И почему это так выходит, что наши – мои и твои – отношения должны зависеть от третьих лиц, которых ты знаешь две недели, не любишь и даже в постели не очень ими восхищена?.. Почему любой парень с дискотеки может безнаказанно плюнуть мне (и тебе) в душу?.. Горько и обидно. Значит, цена мне – копейка, а душа моя – мусор. Конечно, «с глаз долой – из сердца вон», ты хорошо выучила эту гнусную, жестокую, сучье-бабью пословицу, которой я тебя сам и научил, но не забывай, что есть и другая, мудрая: «Что имеем – не храним, потерявши – плачем». Учти и это, чтоб потом не плакать, хотя ты, очевидно, настолько сильна, что можешь спокойно произвести всю палаческую работу по аборту нашей любви. Я не таков. Я буду еще долго мучаться и страдать.

Мне хорошо известны все аргументы, которыми ты пытаешься разрушить наше чувство: у нас нет будущего, мы не пара, разные люди, никогда не сможем жить вместе. Но будущего у нас никогда и не было, а мы все равно любили друг друга. Расставались – и встречались, ссорились – и мирились. Да и у кого оно есть, это будущее? Кто может быть в чем уверен, кроме шаманов, пифий и Нострадамуса?.. Я уверен – когда-нибудь ты вспомнишь: «Ах, какое это было счастливое время!»

– но будет уже поздно... Если бы ты еще влюблялась, всё бывает... Но чтобы так, просто, из-за ничего отбросить, откинуть, отогнать, как назойливую муху, любящего тебя, проверенного, близкого человека – этого я не понимаю и не хочу понять...

Извини, что в письме мало ласковых слов, но где их взять после всего?.. Я не только обижен, но и оскорблен. И всё равно ты – как наваждение: я скучаю без твоих медовых глаз, мне одиноко без твоего голоса, мне холодно без твоих ласк, мне трудно без твоих рук. Жизнь сера, уныла и невыносима без тебя. Я – как царь без слуг, художник без глаз, воин без рук, пастырь – без Бога... Мираж, гипноз, болезнь, паралич, чума, холера – вот что такое любовь.

Я знаю, что наверняка мои слова покажутся тебе смешными (так бывает, когда предательство уже совершено), но все-таки я хотел бы сказать тебе их.

Твой сумасшедший старичок».

И еще сказочными буквами приписано какое-то слово, которое мне никогда не понять, только разглядывать: «*მიუაზარ*»⁸.

Он прав: я именно так и делаю, безмозглая, бездушная дрянь – отбрасываю близкого, любимого человека, верного и желанного!.. Это не только глупо и подло, но и неправильно. Он дает мне больше, чем остальные. Теперь я уверена, что люблю его.

Я смахнула слезу и посмотрела на телефон. «Ну, пехота, вперед!» Только вот кому звонить первому?..

12

Телефонный звонок разбудил его. Опрокинув пустую бутылку, он схватил трубку и услышал:

– Счастливого Рождества тебе! Ты исчез – решила сама позвонить. Не помешала?..

– Нет, как ты можешь помешать, – пробормотал он. – Где ты?

– Дома, на севере. Бабушке плохо.

– А не от любовника ли звонишь?.. – спросил он с подозрением: может, еще потешаться вздумала из чужой постели? – И услышал:

– Нету никакого любовника.

Этого он не ожидал и выдал не уверенно:

– Как это?.. Был же?..

– Нету, пропал.

– Seriously? – переспросил он с надеждой.

– Seriously. Он обиделся, когда узнал, что у меня есть ты, и сказал, что такого тройного союза не потерпит. И всё, разрыв. Радуйся – я пожертвовала им ради тебя. Ты доволен?

Он молчал.

– Ну и вот, – продолжала она. – Я много думала в эти дни и хочу сказать, что, если хочешь, пусть всё будет как раньше. Если ты этого, конечно, еще хочешь... Давай еще раз попробуем. Мы не раз ссорились, а потом всегда бывало еще лучше, правда?..

После этих слов он уже мало соображал, о чем говорилось дальше. Она его любит!.. И хочет, чтобы всё было как прежде, как раньше!.. Конечно, что может быть лучше этого?! И как может быть иначе?!

Камень свалился с души, дал дорогу радости. И от этого буйного ликования, от желания сделать ей приятное, от головокружительного восторга – ведь если

⁸ Люблю (груз.)

любишь, то хочешь, чтобы любимый человек был счастлив! – он торжественно объявил:

– Ты знаешь, я тоже много думал и пришел к выводу, что ничего никому запретить нельзя. И не надо. Если ты пожертвовала ради меня кем-то или чем-то, то и я жертвую своей ревностью: делай что угодно. Если ты, к примеру, хочешь с кем-нибудь встречаться и даже спать – хоть с чертом-дьяволом! – то и встречайся, и спи, если это тебе надо. Нужны тебе игрушки – пожалуйста, оставь их себе, мне до них дела нет!.. Наши отношения теперь будут другие... демократические: я о твоих делах знать не знаю, ты о моих слышать не желаешь...

Какой-то червь сверлил изнутри, что всего этого говорить не стоит, что это лишнее, ненужное, а может, и неправильное. Но волна великодушной мудрости и широкой щедрости несла его всё дальше:

– Ты – человек! Никто никому ничего запретить не в силах!.. Что от того, что я буду говорить тебе: не делай того или этого?.. Запретный плод слаще всех. А если надо скрывать от людей наши отношения – будем скрывать. Заговор сближает. Мне всё равно. Будем тайными любовниками, сообщниками, заговорщиками!.. Если надо, я не буду к тебе приходить, ты приходи ко мне: поздно, когда все спят, тихо поднимись по лестнице, проскользни в приоткрытую дверь, а я уже буду ждать... Черно-белые ночи... Наши сны... Всё в наших руках... Когда ты придешь?..

– Скоро, скоро, – отвечала она, всхлипывая.

– А хочешь, я сейчас к тебе прилечу?.. – предложил он. – Прямо по воздуху?

– Да, тысячу километров – не надо, холодно лететь. Я скоро буду, – терялась она в потоке ответного счастья. – Мне плохо без тебя, – добавила странным голосом.

Он ответил:

– Мне тоже. Мы должны помогать друг другу жить.

– Как в той басне?.. Лошадь и осел?.. – сквозь слезы напомнила она.

– А ты еще помнишь?

– Ты же заставил выучить наизусть!.. Лошадь и осел шли вместе по дороге и несли груз. Осел нести уже не мог и попросил лошадь помочь. А лошадь не захотела, и тогда осел упал и умер. И лошади пришлось дальше тащить не только груз осла, но и его шкуру...

И они болтали о всякой ерунде, поздравляли друг друга с Рождеством и строили общие планы, которых оказалось на удивление много: она честно пообещала сократить походы по диско и кафе, а он свято поклялся больше двухсот грамм никогда не пить; она твердо подтвердила, что хочет пореже встречаться с Ингрид, а он сообщил, что у него двойная радость: помирился с любимой и закончил объект с костями. И они опять шутили, резвились, шушукались, вспоминая что-то и говоря о чем-то, что было, есть и обязательно еще будет.

ЭПИЛОГ

Прошло несколько лет.

Он сидит в кафе, украдкой пьет коньяк из двухсотграммовой бутылочки, закусывает булочкой и без особых эмоций думает о том, что сегодня надо встретиться с ней. И уже пора идти. Не забыть зайти за горячим. Завтра свободный день, можно не думать о похмелье. А она теперь замужем и бегать на свидания к нему может только тайно и не часто, что придает встречам пикантную остроту и приятную новизну.

«Разве не лучше так? – думается ему. – Спокойно, тихо, без склок и ссор?»

Ревность оказалась купирована замужеством. Любовников он мог ей запрещать, но выйти замуж – это совсем другое.

Ревность ушла под венец.

Осталась ли любовь?.. Или превратилась в здоровый, бодрящий, девственно-чистый, полезный для организма секс?.. Если сбросила кожу любви – тем лучше: одна минута секса равна двадцати минутам ходьбы на месте или десяти минутам бега по пересеченной местности, а это немало в важном деле сжигания калорий.

А от любви – одно нездоровье: стрессы, инфаркты, инсульты, бред, жар, всполохи, гонки, езда крыш, ёженье душ, покоренье морей и суш, разделка мертвых туш, холодный душ, несчастья куш, большого бреда чушь, и глупый муж, и околачивание груш, и пекло райских куш...

«И, главное, – имя-то какое мерзкое у мужа: Курт!.. Каракурт, черный курт!. Курить, карты, каркать, корить... Такой болван немецко-фашистский!» – с недобрим сарказмом поминает он его, допивая коньяк и пряча пустую стекляшку в карман.

Время отправляться в мастерскую: пить целебный напиток доктора Мукумбы и ждать. Она приходит обычно вечерами, когда её Каракурт дежурит в своем гадючьем логове, среди склянок и колб, остолоп.

И трудно вообще понять: эпилог это или пролог? Или, может быть, некролог?.. Где они сейчас?.. Где псих, варвар, старый другой, сумасшедший старичок, психопат, дикарь, мачо, симпатичная рыбка, нищий дурак, доминант, дурачок, ручной зверь?.. Где паскуда, гадина, толстенная дурочка, фурия, садистка, толстыш, круглыш, пухленыш, мраморная женщина, проклятая шлюха, джадоистка, идиотка, дура, экобаба, глупышка, злобная кубышка, любливая люблядь?..

Нету их, почили в бозе, даже светлой памяти не оставили.

1998 – 2007, Германия